

Юлия Фирсанова

АПП, или Попасть в пророчество!

АПП, и... всё!

Annotation

Смотрите под ноги, выходя за порог, а то, не ровен час, споткнетесь и... АПП! Одно неловкое движение — и вы студент Академии пророчеств и предсказаний.

Вот так «повезло» Яне Донской. Вместо сельскохозяйственного университета неизвестно что и вообще неизвестно где под сенью невидимого дерева с непроизносимым названием Игидрейгсиль.

Хорошо хоть попала не в одиночестве. Столь же удачно споткнулись еще и тролль с молоденьким драконом. Теплая подобралась компания студентов на факультете блюстителей пророчеств. А впереди... Уй, чего там только впереди нет! Лишь студенты-пророки и скажут, да и те небось так напутают, что поневоле в пророчество угодишь.

Юлия Фирсанова

АПП, или Попасть в пророчество!

© Фирсанова Ю. А., 2017

© Художественное оформление, «Издательство Альфа-книга», 2017

* * *

Моим дочерям Элине и Елене посвящается

Яна смотрела в зеркало и хмурилась. Три прыща! Вот почему такая несправедливая математика? Съела одну булку, а на физиономии вылезло целых три прыща. Один украсил лоб, два расцвели подбородок.

И так не красавица: фигура стиля «есть женщины в русских селеньях», губы как вареник с вишней, нос уточкой. Глаза хоть и не маленькие, но вообще не пойми какие — серые с частыми желто-коричневыми лучиками-иголками, на репьи похожи. Брови мохнатые, каштановые волосы выются мелким бесом, из любой косы выползти норовят. Никакие плойки-выпрямители их не берут, если только налысо остричься. В общем, девка-гренадер! Прав был папка, когда парня ждал и Димкой назвать хотел. Вот только не вышло Дмитрия Донского, Янка родилась.

Мало печали о внешности, еще и поесть толком нельзя! Нет, торты, конфеты, шоколадки, печенья Яна могла лупить мешками — и ничего, зато стоило съесть хоть кусочек простого, даже не белого, черного хлебушка, не мякушки, хрустящей горбушки, и привет — прыщи в ассортименте.

Как-то раз Янка даже к диетологу ходила на консультацию. Только как дверь открыла, так и закрыла с обратной стороны. Почему? А разглядела у дамы-диетолога парочку тщательно заретушированных угрей. Если доктор со своим лицом справиться не может, куда ей других лечить? Янка и плюнула. Прыщи так прыщи! В конце концов, она простая студентка, а не модель какая-нибудь или актриса. С лица воду не пить.

В любовь неземную девица давно верить перестала, с тех самых пор, как начала ловить на себе заинтересованные мужские взгляды. Мужики не собаки, на кости не кидаются, так баба Люба, мамка папкина, говорит. В век диет такой тотальный дефицит фигуристых девок образовался, что и не сказочно-красивую, зато грудастую да крутобедрую Янку сальные предложения стороной не обходили. Практичная девушка быстро поняла: кавалера найти проблемой не будет, но нужны ли проблемы с ухажером, у которого на уме лишь одно? А коль не нужны, так пускай все любители пышных форм идут мимо, а она учиться станет. Вот отучится да и вернется назад, в село, нечего ей в городе делать. Даже собственная квартирка, что от бабы Веры досталась, не заманит. Потом уж, как образование получит да работу хорошую найдет, и о семье подумать можно будет. Непьющего да рукастого мужика подыскать, чтобы и зарплату домой нес, а не в бар какой, и кран-лампочку-утюг починить мог. Как папка! Да и деток Янка любила.

Махнув на прыщи рукой, девушка кинула пудреницу в косметичку, сунула ее в сумку, собранную еще с вечера для занятий в университете, бросила туда же мобильник и открыла дверь. Захлопнула до щелчка замка-автомата и шагнула вперед, не глядя. Невеликий каблук зацепился неизвестно за какое — это на плоской-то, как стол, площадке — препятствие, и с гулким криком «Ёопрст!» Янка рухнула куда-то вниз.

Глава 1

Введение в АПП, или Против судьбы не погрешь!

Двое, ректор Шаортан и декан Гадерикалинерос, которого все, не только коллеги, но и учащиеся, давно уже именовали по-простому «декан Гад», преодолевая пролет за пролетом, торопливо карабкались по лестнице. Была она крутой, каменной и о-о-очень длинной, как полагается настоящей лестнице, ведущей в самую высокую башню — Башню Судьбы!

— Что ж эту башню такой высокой-то построили? — ругнулся декан на семнадцатом пролете и в очередной раз обмел наслоения пыли с перил длинным рукавом черной шелковой мантии.

— Традиция, дедушку ее, да чтобы по ерунде не бегали, — отозвалась Шаортан, подбирая подол собственного темно-синего одеяния.

— Пятьсот тысяч золотом не ерунда, — скорбно вздохнул декан.

— Потому и идем! Полная комплектация — полное финансирование от Совета города, — легко взбегая по ступенькам, с готовностью повторила ректор другу. — Семьдесят четыре первокурсника — это недокомплект, нам нужно еще три, чтобы закрыть список и подать заявку на новый учебный год. Теобаль просил еще одну полосу препятствий с удаленным управлением, Виолетт и Сейата требовали большие зеркала для гадательной практики, а ты — усовершенствованное оборудование пятой лаборатории вместо взорванного на экзамене, и я подписала твой запрос!

— Вот с лаборатории и надо было начинать, — фыркнул франт, отряхивая рукав, и задумчиво протянул: — М-да, давно у студентов отработок не было, грязи развелось...

— Каникулы, — резюмировала ректор. — Ничего, начнутся занятия, все почистят.

— Ленивые пошли студенты, не они за нами, а мы за ними бегать должны, — проворчал Гад. — Вон в прошлом году куда больше трех сотен к воротам в день отбора явилось. Это еще не всех АПП пропустила!

— Год на год не приходится, — философски пожалла плечами ректор и перекинула толстую черную косу через плечо. Та, будто жила собственной жизнью, на следующей же ступеньке подпрыгнула и снова опустилась на грудь.

— Стричься не пробовала? — привычно подколол коллегу Гад, волосы которого торчали над черепушкой короткими иголками антрацитового цвета с явственным фиолетовым отливом, делая голову похожей на ежика-мутанта. Дополнял экзотическую картину длинный нос, формой напоминавший тощую сосиску.

— Пробовала, отрастают, — столь же привычно огрызнулась Шаортан и заправила за остроконечное ухо вьющуюся прядь.

Так, перебрасываясь остротами, парочка добралась до единственной, не считая прохода в каморку с вениками, двери. Та вела в комнату, скрытую на вершине самой высокой башни. Шаортан положила руку на кольцо и потянула. Дверь неохотно, будто раздумывала, а открываться ли ей или остаться запертой на веки вечные, распахнулась в просторное помещение.

Там было светло — окна под потолком давали достаточно освещения — совсем не пыльно и пусто, если не считать двух объектов — массивных дверей из цельных пластин дерева.

За правой приоткрытой дверью виднелся здоровенный и даже на вид старинный ткацкий станок. Несмотря на то что рядом не было ни души, он работал. Натянутые нити основы и утка методично переплетались между собой. Тот, кто вглядывался пристально, мог заметить, что на самом деле нити не являлись нитями, они были чистым светом разных оттенков, струящимся из небольших листообразных пластин, на которых непрерывно вспыхивали, менялись и гасли странные знаки. Сотканное из нитей света полотно спускалось до пола и исчезало, не обрывалось, а словно складывалось где-то там, куда не было доступа посетителям комнаты.

Волшебный свет пряжи и мерцание знаков способны были заморозить любого: и простой смертный, и непростой бессмертный, стоило им сосредоточить внимание на том, как ткется волшебное полотно, рисковали остаться здесь навсегда.

Шаортан и Гад поспешно отвели взгляды и уставились на вторую дверь. За ней, в левом углу небольшой комнаты, притулилась простая древняя прялка. В отличие от станка не работающая.

— Они такие старые, что я каждый раз боюсь, что прялка развалится, стоит нам ее запустить, — пожаловалась Шаортан.

— Они были старыми, когда мы еще не родились, и будут таковыми, когда мы сойдем во тьму времен, да и не из дерева они, так — одна видимость, — цинично хмыкнул Гад, прикрыл правую дверь поплотнее и широко распахнул левую, вежливым жестом приглашая коллегу пройти первой. Скользнул в комнату следом за ней и двинулся к огромному, во всю стену рядом с прялкой шкафу с многочисленными мелкими, вполладони, ящичками. Декан замер в секундном раздумье, а потом выстрелил вопросом:

— Берем три знака ХОР, один ТАЙР и один ИД?

— Ученики, поиск, дорога? — машинально повторила Шаортан, покусала губу и посоветовала: — Я бы добавила еще ЕЗУ.

— Хм, судьба? Пожалуй, — согласился Гад и, ориентируясь по крохотным символам, выжженным в уголках ящичков, достал шесть пластин, весьма напоминавших по виду те, что сверкали в комнате со станком.

Декан щедро поделился добычей с руководством. В четыре руки Шаортан и Гадерикалинерос принялись крепить листовидные пластинки в том месте, где у обычной прялки должна располагаться кудель. Маленькие зажимы надежно фиксировали добычу. Но защелкивались далеко не с первого раза. Порой приходилось переставлять пластинки на другое место. Почему? А вот не судьба! Но мало-помалу все шесть пластин составили нужную композицию, ее творцы довольно вздохнули и сделали руками странный знак — «глаз удачи»: большой и указательный пальцы правой руки соединились в кольцо, средний палец левой лег поперек.

— Давай! — поторопил ректора декан.

Шаортан крутанула колесо прялки. Та зажужжала, и одновременно с запуском чудесного инструмента произошло сразу несколько ожидаемых и совершенно неожиданных событий.

Пластинки на прялке стали источником странного, мягкого свечения: ХОР сиял зеленым, ТАЙР синим, ИД голубым, а ЕЗУ глубоким оттенком сапфира. Мало того, этот свет под жужжание прялки стал вытягиваться, как нежнейшая пряжа, свиваясь воедино, потянулась плотная разноцветная нитка. Она не просто исчезала в никуда, как полотно со станка в соседней комнате, не просто сматывалась волшебной пряжей на шпульку. О нет, она, словно приготовившаяся к броску змея, изогнулась и ринулась куда-то вверх, в иное

время и пространство.

А за шиворот Шаортан с потолка упал крохотный мохнатый паучок, неизвестно каким образом прокравшийся в самую высокую башню. Паучок не был ядовит, но ректор панически боялась щекотки. Она взвизгнула, отскочила к шкафу и принялась приплясывать, пытаясь достать паука. Хрюкнувший от смеха Гад бросился на выручку коллеге. Он задрал ее мантию и стал вытаскивать из-под длинной юбки блузку. Паучок, вероятно, почуял недоброе и зашебаршился более активно. Шаортан дернулась, с силой ударила локтем по одному из ящичков, сработала скрытая пружина, и изнутри вылетела пластинка. Пролетая над работающей прялкой, она тоже засветилась — золотом.

— ОГАС, — машинально отметил характеристику знака декан.

В тот же момент нить-лассо совершила обратное движение, и на пол рядом с прялкой рухнул вопящий ком. Сверху приземлилась пластинка ОГАС, с изяществом теннисного мячика ухитрилась простучать по лбам трех жертв, после чего упала на пол, с жалобным треском раскололась и скрылась из виду под ругающимися, копошащимися и тщетно пытающимися встать субъектами.

Кое-как разобравшись, где чьи конечности, дезориентированные жертвы прялки расплзлись в стороны и принялись трясти головами. А волшебный агрегат, совершив свое черное дело, остановился. Нити погасли, пластинки кудели потрескались и осыпались искрящейся дымкой.

Шаортан поспешно поправила одежду после бегства паука, скрывшегося в ближайшей щели. Ректор и декан с жадным исследовательским любопытством уставились на результат своей затеи. Жертв было целых три, как и заказывали.

Высокий, почти с Гада, массивный парень с сероватой кожей и скрученными кулечками ушами хмурился, смотрел настороженно, исподлобья. Пальцы левой когтистой руки лежали на рукояти ножа, заткнутого за пояс потертой кожаной безрукавки. Изящный, кудрявый, как барашек, франтоватый блондинчик с маникюром казался на фоне здоровяка почти прозрачным. Он нервно дергал головой и поводил пальцами, полускрытыми пышным кружевом белоснежных манжет. Ноздри тонкого носа негодуяще раздувались, нервно дергались кадык и веко правого глаза. Фигуристая девушка в плотных синих штанах и блузе с короткими рукавами была почти спокойна. Только недовольно хмурила густые брови. Скептически оглядев Гадерикалинероса и Шаортан, она первая осведомилась глубоким грудным голосом:

— Вы кто, сатанисты или ролевики?

— Может, некроманты? — набычившись, поддержал вопрос здоровяк со странными ушами.

— Душеловы? — выдвинул свою версию нервный блондинчик и опять непроизвольно подмигнул компании голубым глазом.

— Чуть-чуть не угадали, — хмыкнул Гад.

— Добро пожаловать! Я — ректор Шаортан, это — декан Гадерикалинерос, — представила себя и коллегу красивая черноволосая женщина.

— Чего? — пробасил крепыш.

— Что — чего? — не поняла ректор, отвлеченная от заготовленной речи неуместным вопросом.

— Какого заведения? — вежливо справился серокожий.

— АПП! — гордо приосанилась синеглазая ректор.

— Цирковое училище, что ли? — непонимающе выпалила Янка, по-новому оценившая причудливые внешние данные присутствующих, вполне соответствующие арене.

В очередной раз сбившись с мысли, Шаортан негодуяюще свела ровные дуги бровей. А декан Гадерикалинерос совершенно непедагогично хрюкнул, не удержавшись, захохотал и почти сполз по стенке, постанывая сквозь смех:

— Так нашу академию еще никогда не опускали!

— Все когда-нибудь случается в первый раз, — машинально отозвалась Янка, а серокожий хмуро пробасил:

— Вы зачем нас сюда притащили?

— Мы рады приветствовать будущих студентов нашей Академии пророчеств и предсказаний, — вернулась к тексту торжественной речи ректор.

Чуть оклемавшись от шока и уяснив, что никто прямо сейчас его убивать не собирается, белобрысый паренек затеял скандал.

— Я требую, чтобы вы сейчас же вернули меня домой! Вы не имеете права! Я буду жаловаться! Моя бабушка...

— Дракон, а сам я сиротинушка, — закончила Янка себе под нос за белобрысого хилека переделанной цитатой из старого анекдота, который как-то пересказал друг Санька — большой поклонник фэнтезятины. Сама девушка не слишком жаловала сказки, а уж истерический визг, тем паче в исполнении создания условно мужского пола, просто ненавидела.

— Откуда ты знаешь? — раззявил рот беленький кудряш, осекшийся на полуслове концерта.

— Так, будущие студенты! — рыкнула Шаортан, не привыкшая к тому, что ее перебивают или, тем паче, игнорируют. — Слушаем меня! Вы избраны и перенесены из своих миров по воле Прялки Судьбы для обучения в Академии пророчеств и предсказаний. Отказаться, изменив сотканную прялкой реальность, вы не можете, если не хотите череды неприятностей, каковыми судьба карает тех, кто отворачивается от ее даров.

— Нас что, принудительно зачислили в ваше учебное заведение? А ничего, что согласия не спросили, без вещей куда-то утянули и родственников не уведомили? — хмуро спросила Яна. Пока шел разговор, девушка извлекла из сумки мобильник и убедилась в полном отсутствии связи. Где бы ни находилось заведение с цирковым названием, вышку в окрестностях никто приткнуть не удосужился.

— Судьба не спрашивает разрешения, она всегда права. Вашим родным будет отправлено письмо-уведомление о зачислении в АПП, — скучаяще пояснил Гад. — Форму, канцелярские принадлежности и подъемные для приобретения недостающих мелочей в лавке, обслуживающей студентов, вам выдадут.

— Тогда годится, — миролюбиво согласился крепыш и убрал лапу с ножа. — Профессию денежную даете, шаман-предсказатель нашего стойбища у вас учился.

— Нет, — решительно отказалась девушка. — Не согласна. Так дела не делаются!

Зрачок в синих глазах ректора стал вертикальным, Шаортан зашипела, раздувая ноздри, клубы дыма и искры, летящие из них, стали весьма красноречивым свидетельством негодования.

Беленький пацанчик метнул опасливый взгляд на бесящуюся женщину, но все-таки, набравшись храбрости, вякнул вслед за Янкой:

— Мне надо с бабушкой посоветоваться!

Гад устало вздохнул. Повышение финансирования и вожденное оборудование для лаборатории уплывали сквозь пальцы из-за двух прущих наперекор судьбе детишек. Помассировав веки пальцами и почесав свой выдающийся нос, декан объяснил:

— Прялка сплела ваши судьбы с академией, дети. Вам все равно придется до сегодняшнего вечера пройти процедуру отбора на один из трех факультетов. Давайте побережем наше общее время и нервы. Ректор Шаортан, не соблаговолите ли вы для проведения переговоров о зачислении студента в учебное заведение посетить дом юного дракона...

— Я — Машьелис о Либеларо, — представился, шаркнув ножкой и тряхнув кудряшками, юноша.

— Пойдем к бабушке, — смирилась ректор с тем, что быстро уладить все дела с академическим пополнением не получится.

Дым и искры больше не летели, женщина опустила руку в маленькую сумочку на поясе и вытянула из нее листовидную пластинку с какой-то причудливой загогулиной, напоминающей раковину улитки. Светленький дракончик настороженно приблизился. Женщина ухватила его за плечо и щелкнула ногтем по листовидной пластинке. Та вспыхнула желтым и распалась пылью, унесшей с собой двоих: ректора и белобрысого юношу.

— Это что сейчас было? И куда парень исчез? — склонила голову Янка.

— Применение знака ХАЗ с четко направленным желанием переместило ректора Шаортан и будущего студента академии Машьелиса в дом последнего, — дал справку декан, насмешливо скривив губы при сокращении имени паренька.

— Вы так уверены, что его бабушка согласится? — невольно удивилась Яна.

Бабушку нового знакомого она не знала, но, судя по тому, как ее уважал мелкий дракончик, дама была мало того что драконом, так еще и драконом с характером. Ее искорками да паром из ноздрей вряд ли напугаешь.

— Ректор Шаортан — дракесса, то есть обладает не только способностями к дипломатии, но и двумя дополнительными ипостасями: дракона и ледяного змея. Думаю, общий язык с родственницей студента она найдет быстро. Зачисление в перспективное учебное заведение — не самое худшее, что могло случиться с юным Машьелисом, — пояснил декан.

Серокожий понимающе хмыкнул, покачался с носка на пятку, от чего скрипнули доски пола, а не разношенные сапоги, и спросил:

— Мне-то куда идти — или тоже переместите знаком?

— Ножками, студент, ножками. Выйди из комнаты и спустись по лестнице на Площадь выбора. Будет чудесно, если подождешь нас на лавочке у двери в башню. Арка Выбора сегодня засияет в последний раз. Пройдя туда, куда ведет душа, вы будете знать, на какой факультет определены академией.

— Значит, подожду. Я, кстати, Фагард Хагорсон, можно Хаг. Троль я, если чего, — напоследок представился крепыш девушке.

— Яна Донская, человек, — машинально ответила та и, когда серенький ушел, спросила у декана: — А что вы собираетесь со мной делать?

— Пустить на компоненты для алхимической лаборатории, что же еще, — хмыкнул Гад и, уже не насмешничая, объяснил: — Если тебя, студентка, не устраивает стандартная процедура письменного оповещения родных, готов выслушать предложения. Предупреждаю сразу, вариант отправить домой и оставить в покое не рассматривается. Против Прялки

Судьбы я выступать не намерен.

— Какие профессии дает ваша АПП? — хмуро поинтересовалась девушка.

— Предсказатель, летописец и блюститель пророчеств — в зависимости от выбора факультета. Распределение проводится Аркой Выбора, обучение длится пять лет, — сказал Гадерикалинерос и чуть более подробно пояснил: — В учебном году два равных семестра. Занятия идут циклами. Шесть учебных дней, седьмой отводится на работу с литературой и самостоятельную практику, восьмой — выходной. Со второго семестра каждый четвертый день цикла выделен для самоподготовки, индивидуальных практических занятий.

— Трудоустройство гарантируется? — уточнила самый актуальный вопрос Яна.

— Представителя каждой профессии по окончании академии, а вернее даже до него, ожидает несколько десятков выгодных предложений о работе на высокооплачиваемых и почетных должностях в ряде миров. Можно остаться и здесь, в мире Игиды, в Институте пророчеств всегда рады пополнению, — заверил девушку мужчина в черной мантии.

— А вы, декан Гадерик... — Девушка споткнулась на заковыристом имени.

— Зовите просто мастер или декан Гад, — разрешил мужчина.

— Не могу, вы еще не зарекомендовали себя настолько скверно, — честно отказалась Яна.

Декан изумленно приподнял обе брови. А потом догадался:

— Это сокращение что-то означает в твоём языке?

— По-русски «гад» — это мерзкий тип, а мы разве не на русском сейчас говорим? — опешила Донская.

— Ты — да, я — нет. Так что сокращай мое имя смело, не обижусь. На территории академии, под сенью и покровительством Игидрейгсиль, действует магия единства. Она снимает стресс от перемещения, дает возможность спокойно принять перемены в жизни и окружении, а также делает понятной любую речь, устную или письменную. Для студентов академии и выпускников магия сохраняет свою силу за пределами учебного заведения — не только на Игиде, где находится АПП, а в любом ином месте.

— Полезный бонус, — одобрила Янка, уяснив, почему даже не удивилась странным утренним событиям и новым знакомым экзотического вида. Надо же, тролль, дракон, дракесса... Для себя девушка отметила: если не удастся после этой загадочной академии устроиться работать по специальности, то уж как переводчика ее точно с руками оторвут! — Значит, отказаться учиться я не могу?

— Нет, академия выбрала тебя. Разве не чувствуешь, с каждым мигом ты все больше хочешь остаться в этих стенах? — не зло усмехнулся Гад. — Зов Судьбы — не шутка!

— Ладно, поняла. Тогда я должна забрать документы из университета и лично предупредить родных. У меня такой бабушки, как у Лиса, нет, зато есть другая, да и без нее найдется кому за меня волноваться. Письма недостаточно! Еще хорошо бы собрать в дорогу сумку с вещами, — обстоятельно перечислила свои требования девушка.

— Значит, так! Не все твои желания разумны, Яна, — спокойно пояснил декан. — Вещи на Игиду перемещать не следует. Они, за исключением изделий из стекла, золота и нескольких разновидностей минералов, очень быстро испортятся. Так действует здешняя магия. Но забрать документы и переговорить с родственниками я тебе помогу.

Глава 2

Отчисление-зачисление «а ля АПП»!

Декан слазил в маленькую сумочку на поясе, ощупью извлек оттуда две пластинки. Сжал в пальцах одну, со значком, похожим на свернутую петлей веревку, и с ног до головы обсыпал себя получившейся серой пылью.

Янка задумчиво взирала на творящееся безобразие. Непонятного было слишком много, чтобы прояснить ситуацию расспросами — оставалось только наблюдать. Пока. А уж потом, если ничего не прояснится, можно потребовать объяснений.

Между тем, приняв душ из пыли, декан Гад взял за плечо девушку и, сжав в кулаке последнюю пластинку с «улиткой», скомандовал:

— Представь то место, где находятся твои документы, и сделай шаг.

Донская прикинула и шагнула, представив себе архив университета при ректорате. Она там как-то была, помогала лаборантке относить папки. Ап! Посыпалась, закружилась желтая пыль, и вот уже Яна вместе с Гадом стояли среди металлических стеллажей, набитых личными делами студентов.

В архиве, кроме них двоих, никого не было — это плюс, но они не обнаружили и никаких указателей, способных пояснить, что и где следует искать. По счастью, дверь в этот момент открылась. Показалась Анфиса Игоревна — секретарь ректора, именуемая всеми попросту Фисой, — с какой-то бумажкой в наманикюренной лапке и сосредоточенным выражением на мордочке.

— А что это вы тут делаете? — брякнула Фиса, разглядывая нежданных посетителей архива.

— Документы хотим забрать, — машинально отозвалась ошарашенная столь стремительным перемещением между мирами Яна и, скосив глаза на декана АПП, чуть не поперхнулась последним словом.

Гада было не узнать. Вместо черненького балахона на мужчине красовался вполне приличный темно-серый костюм — двубортный пиджак, брюки с острыми лезвиями стрелок; светло-серая рубашка, галстук в узкую полоску. Начищенные черные ботинки с острыми мысами дополняли модный образ. Все в тренде осеннего сезона! Девчонки вчера на лекции как раз журнал мод листали, Янка запомнила.

— У вас и допуск есть? — В тоне секретаря мелькнула неуверенность.

— А как же, — обаятельно улыбнулся декан и с галантным полупоклоном вложил в ручку Фисы золотое колечко с крупным блестящим камушком. — Мы очень рассчитываем на вашу помощь.

— Что нужно найти? — заценив колечко, шустро сориентировалась секретарь.

— Мои документы, я в другой университет перехожу, — объяснила Яна. — А приказа ждать некогда.

— Задним числом сделаю и у Василича с комиссией подмахну, — пообещала задобренная подношением Фиса и, дождавшись благосклонного кивка Гада, дала инструкции: — Скажи, на чью фамилию бумаги искать, и заявление напиши по образцу. Только дату не ставь, я потом сама.

— Донская Яна Ивановна, — назвалась Яна, присев к столику у окошка, на который

Фиса со скоростью метеора метала листок с образцом заявления об уходе, чистую бумагу и даже ручку.

Секретарь ректора тем временем уже нырнула куда-то за стеллажи, погромела-пошуршала папками и вернулась быстрее, чем Донская успела поставить подпись под заявлением. Терпеливо дождалась завершения процесса и бухнула на стол тонкую папочку с завязками:

— Твое?

— Мое, — согласилась Яна, сверив данные на обложке.

Фиса дернула за тесемки и шустро, как делала вообще все, бросила Яне ее аттестат, медицинскую справку и копии прочих документов. Щедро разрешила:

— Забирайте!

Яна достала из кармашка джинсов пакетик, встряхнула и аккуратно сложила личные документы.

— Благодарим, с вами приятно работать, — кивнул декан и, подхватив спутницу под локоток, вышел вместе с ней из архива. Новая пластина с «улиткой» была извлечена из кармана брюк, и Гад шепнул девушке на ухо: — Теперь представляй родительский дом.

Яна зажмурилась, вспоминая родную пятиэтажку, где прожила большую часть жизни. Пластина хрустнула, осыпаясь желтой пылью. Кроссовки шаркнули по асфальту, в ноздри ударил запах осенней листвы с толикой бензиновой вони. Недалеко от дома проходило шоссе, разделявшее поселок на пару неравных частей.

— А когда вы переодеться успели? Или это магия? — все-таки не утерпела и задала интересующий ее вопрос девушка.

— Я использовал знак АДИ. Он придает иллюзию вида, соответствующего миру, в который переместился. Это сильно экономит время, облегчает адаптацию и взаимодействие с местными жителями.

— Круто! — от души позавидовала Янка.

— Знакам и их использованию в обязательном порядке учат всех студентов, — усмехнулся декан, с интересом изучая поселковый пейзаж.

Яркое буйство кленовой листвы и оранжевые гроздья рябин, покрытый трещинами, изрытый ямами асфальт, хохочущие карапузы на качелях в маленьком скверике у пятиэтажки, судачащие на лавочках сплетницы-старушки, кирпичное пятиэтажное здание, металлические гаражи с правой стороны, пытающийся завести старый «москвич» мужичок в потертой кепке — все было Янке до боли привычно и знакомо.

— Нам на третий этаж, — потянула декана в сторону первого подъезда девушка. — Бабушка точно дома, да и у мамы сегодня отгул.

Гад без комментариев и вопросов двинулся вслед за спутницей. На двух лавочках у двери старушки с энтузиазмом перемывали косточки очередной «бедной Насте» из телеящика. Но, завидев Донскую и декана, разом переключились на более интересный живой сюжет.

— Здравствуйте, баба Клава, баба Шура, баба Люда! — как из пулемета, выпалила Янка, пытаясь поскорее вывести Гада из-под обстрела пристальных глаз зорких старушенций.

— И тебе не болеть, Яна! Никак жениха на показ родне привезла? — аж подалась вперед баба Люда — первая сплетница села. Сто кило чистого любопытства нацелились на новую жертву.

— Нет, я по конкурсу прошла в другой институт, перевожусь. За документами приехала, все срочно надо делать, — коротко объяснила девушка.

— Вот оно как... — зашушукались бабки. — А куда ж поступила-то?

— Секрет это, не подлежит разглашению, — хмуро проронила Янка.

А за ее спиной начал набирать обороты новый слух о том, что Донская-то в разведке будет служить! И ее самый главный разведчик к родителям попрощаться привозил, чтобы потом в разведшколе за высокой стеной закрыть!

В очередной раз за сегодняшний день поднимаясь по грязной лестнице и скептически оглядывая облупившуюся краску стен, Гад посоветовал:

— Была возможность избежать неудобных вопросов, если бы сразу представила это место.

— Не было. Когда мои рассказывать станут, что я приезжала, а дворовый ЧК меня не видал, проблем не оберешься, — вздохнула девушка, нажимая кнопку звонка. — Я-то уеду, а им тут жить. Поселок — та же деревня! Сплетни!

Через три птичьих трели оббитая дерматином дверь распахнулась, и на пороге появилась сухонькая миниатюрная старушка с белым облачком-хохолком волос на макушке.

— Яночка? Из города! И не позвонила даже! Стряслось чего? А что за гостя привела?

— Баба Люба, привет, родная! Ничего дурного! Наоборот! — Янка поспешно обняла бабушку и чмокнула в печеное яблочко щечки. — И это не гость, а преподаватель, декан, он меня сопровождает в академию.

— Совершенно верно, — вступил в разговор декан, каким-то неуловимым образом оттесняя внучку и бабушку с площадки в квартиру и просачиваясь следом. Девушка поняла, что происходит, только когда щелкнул замок. — Ничего дурного! Ваша внучка поступила в очень и очень престижное заведение, занимающееся прогнозированием, учетом прогнозов и контролем за оными. Обучение бесплатное, трудоустройство на высокооплачиваемой работе по завершении пятилетнего курса гарантируется! Я являюсь деканом факультета контроля прогнозов. Ввиду того что семестр начинается уже завтра, а ваша талантливая внучка, увы, получила извещение о зачислении лишь сегодня утром и могла опоздать к началу занятий, я решил принять личное участие в ее судьбе. Яне необходимо прибыть в академию не позднее сегодняшнего дня и пройти процедуру регистрации.

— Яночка, а как же институт? Что ж так сразу-то, не посоветовавшись с мамкой, с отцом? Их-то как назло дома нет! Анна-то на базар умотала, раньше, чем часа через три, не обернется, и телефон на зарядке оставила. А Ваня в дальние теплицы поехал, там связи и вовсе никакой! А ну как неприятности у тебя будут? Ты ж столько готовилась, чтобы поступить в сельскохозяйственный, год отучилась, и вдруг такое! Может, передумаешь? — напустилась на внучку баба Люба.

— Не волнуйся, ба, все хорошо. Жаль, конечно, что родителей дома нет. А документы мне в институте уже отдали. Декан помог, он меня и сюда подкинул, чтобы вам все рассказать, — переборов изумление от гладкой речи Гада, попыталась успокоить бабушку Янка.

— Вашей внучке удалось попасть на одно из трех последних мест на первом курсе элитного учебного заведения. Времени на обсуждение вопроса с родными мы, увы, не имеем. Обучение проходит в режиме интерната, студентов обеспечивают всем необходимым, выдают форму и выделяют подъемные на обустройство. Вам не о чем беспокоиться! — вновь включив на полную мощь обаяние, зажурчал Гад. Даже нос-сосиска декана стал казаться не атрибутом клоуна, а чем-то милым и симпатичным. — Жаль вас расстраивать, но до каникул общение с внучкой придется ограничить письмами. Для родителей Яны, кстати, я вам

официальное письмо о зачислении оставлю.

Словно из ниоткуда, а на деле будучи очень ловко выуженным из глубин пиджака, в пальцах Гада появился красивый конверт из плотной серо-голубой бумаги с круглой эмблемой-печатью. В переливающемся, как голограмма, кружке виднелось раскидистое дерево, чьи листики формой очень походили на пластинки, которые постоянно ломал пальцами декан, а плоды напоминали маленькие яркие желтые шарики — детские игрушки из тех, что одно время стоили десять рублей и продавались в автоматах супермаркетов.

— Письмо — это хорошо, а про телефон новость плохая. Это что ж, нам и кровиночке позвонить нельзя будет? — удивилась бабушка и воинственно уперла руки в бока, не спеша принимать конверт.

— Там связь не работает, закрытая зона, — тяжело вздохнула внучка, явственно почувствовав, как собирается гроза.

Декан, даром что прежде с бабой Любой дела не имел, тоже просек ситуацию, втихомолку вынул из мешочка на поясе очередную хрупкую пластинку и сломал ее. Посыпались фиолетовые искорки.

— Тогда я тебе сейчас с собой покушать соберу! — вдруг неизвестно почему проведя параллель между отсутствием связи и необходимостью запасов продуктов питания, объявила баба Люба, мимоходом забрала из рук декана конверт, заткнула его за зеркало в коридоре и ринулась в кладовую.

— Вы чем ее заколдовали? — подозрительно прошипела Янка, готовясь пнуть мужчину по лодыжке, если тот, оправдывая свое гадское имя, навредил бабушке.

— Знак ТИО пробуждает доверие к собеседнику и веру в его слова. На письме аналогичный знак, чтобы родные студентов не волновались, — шепотом отозвался декан, слегка прибалдевший от резвости бабки. — Но такой реакции я не ожидал. Корректировать не буду, чтобы не спровоцировать более экзотических проявлений. Все-таки даже знаки Игиды в мирах фиолетового спектра зачастую проявляются причудливо.

— Игида? Фиолетовый спектр? — нахмурилась запутавшаяся в объяснениях Янка, но занесенную для удара ногу опустила.

— Миры технические, с минимальным проявлением магии. Обо всем этом вам позднее расскажут на лекциях по основам Мироздания в АПП, — хмуро выдал Гад, утешая себя бормотанием под нос: «Зато Шаортан старую дракошку умасливает, ей тяжелее...»

Еще раз эту фразу про «ей тяжелее», но уже с сомнением, декан повторил, когда из кладовки показалась довольная, как мытый слон, бабушка Любовь, волокущая три здоровенные позванивающие сумки габаритов «мечта оккупанта».

— Вот, в дорожку, варенья, соленья, приправы, — бухнула хрупкая бабушка свою ношу в подозрительной близости от ботинка преподавателя.

— В академии есть столовая, студенты обеспечиваются трехразовым питанием и... — попытался было возразить дезориентированный декан.

— И что? — снова встала в позу героическая бабушка. — Знаем мы эти полупорции для дистрофиков! Яна у меня девочка фигуристая, ей кушать лучше надо, чтоб форму не потерять! И друзей угостить будет чем! Ой, я ж еще джем забыла, желе и варенье! — И бабушка снова ринулась в кладовую.

Гад же процедил сквозь зубы:

— Я всего этого не понесу!

— Земляничное, красносмородиновое, вишневое, малиновое! — перечисляла тем

временем в кладовой бабушка, составляя баночки с заманчивым стуком и легким шорохом. Так всегда стучат пузатые баночки, доверху наполненные сладким содержимым, и шуршат закрывающие варенье крышки из бумаги, перетянутые резинкой.

— Земляничное? — В голосе Гада промелькнуло явственное сомнение — слабость личности, готовой поддаться искусству.

— Одна банка ваша, — предложила Янка, трезво оценив свои скромные по сравнению с объемами бабулиных заготовок способности к транспортировке. Хоть об стенку бейся, а одной ей никак четырех туго набитых сумок утащить не получится.

— Три, — стал торговаться декан.

— Две! — не уступила хозяйственная девушка. — Мне, вы слышали, еще сокурсников угощать.

— Договорились, — нехотя отступил на заранее подготовленные позиции Гад. — Но мои самые большие!

Бабуля с умилением пронаблюдала за тем, как гости распределяют сумки. Яне как девушке досталась самая легкая. Внучку напоследок расцеловали в обе щеки и даже декана зачем-то чмокнули в лоб. Ради этого тому пришлось нагнуться. Но чего только не вытерпишь ради увеличения финансирования и земляничного варенья в придачу! Прощальная ласка домовитой старушки куда безобиднее брюзжания финансовой комиссии.

По лестнице декан и будущая студентка спускались тяжело нагруженными позвякивающими баржами. Янка запоздало поинтересовалась:

— А еда-то не испортится?

— Не успеет. Вы ее быстрее съедите, — усмехнулся мужчина, не понаслышке знавший об аппетитах вечно голодных проглотов-студентов. — На продукты воздействие менее заметно, чем на вещи.

— Ой, так, может, мне документы надо было дома оставить, а не в вашу АПП тащить? А ну как у меня паспорт на клочки распадётся?

— АПП теперь и твоя, студентка, привыкай. А личные вещи сдашь коменданту общежития, когда сегодня форму получать будешь. Он их в именной короб с защитой от пыли Игиды поместит, — рассеянно проинструктировал Гад. — Ничего не пропадет.

— А дышать этой пылью радиоактивной не вредно? Или в форменный комплект входят защитные маски, обязательные для ношения?

— Дышать не вредно, — усмехнулся декан и все-таки решил немного расширить объяснение: — Тех, кто приходит учиться и преподавать в академию, выбирает сама магия мира и деревьев Игиды, они — дети Игидрейгсиль. Этой магией пропитаны листья и плоды, которыми в процессе обучения пользуются студенты. Часть силы в виде невидимой пыли после рассеивания знаков и семени пророчеств остается в воздухе даже после самых скрупулезных попыток сбора. Эта взвесь не опасна для живых, но постоянное воздействие микрочастиц на предметы, созданные вне мира Игиды, изменяет их, случайным образом преобразуя свойства.

— «Дама сдавала в багаж...» — хмыкнула Янка, припоминая знаменитую стихотворную историю Маршака о болонке, трансформировавшейся за время транспортной перевозки в здоровенную дворнягу.

Да уж, придется, наверное, сдать коменданту свою сумочку и пакет с документами, чтобы вместо личных вещей ко времени выпуска из этого волшебного циркового училища не получить какой-нибудь чудо-куст. Никаких особо трепетно любимых вещей у девушки не

имелось, она вообще до странности равнодушно относилась к тряпкам. Было бы удобно, и расцветка не вырви глаз, а в остальном не принципиально, потому к информации об обязательной форме в АПП Янка отнеслась с полным пофигизмом.

У подъезда численность бабчека возросла еще на две единицы, они проводили уходившую девушку и преподавателя самыми пристальными взглядами. А потом сплетня о разведчице Янке, подпитываясь богатой фантазией жадных до новостей старушек, продолжила набирать обороты. А чего бы иначе Донскую с вещами на выход такой строгий мужчина провожал? Сразу видно, не шпиён какой, а самый настоящий разведчик! Вот Янку-то в разведку точно-точно записали и будут учить так, чтоб Никитá с Ларой Крофт обзавидовались.

Ничего не знающая о своей будущей карьере разведчика экстра-класса девушка и декан зашли за угол дома, свернули на тропинку в густых кустах зеленой сирени. А уж оттуда они благополучно исчезли благодаря очередной пластинке-листуку из кошелька-сумки, извлеченной деканом с неблагозвучной кликухой то ли на ощупь, то ли наугад. Материализовались путешественники в небольшом холле башни, рядом с уходящей круто вверх лестницей. Той самой, которую утром обтирали рукавами Шаортан и Гадерикалинерос. В пустую стенку был вбит недлинный штырь, на котором висел здоровенный золоченый диск со странными закорючками. Цепочка с молотком на штырьке поменьше располагалась рядом. Больше ничего примечательного в помещении не оказалось.

Снаружи через приоткрытую дверь доносились голоса. Один сразу не понравился Янке. Какой-то гнусавый, надменно растягивающий звуки. Этот голос гундосил и, похоже, продолжал кого-то доводить:

— Тролле, а тролле, что же ты к лавке приклеился? Иль примерз, если к нам подойти, сыграть не желаешь?

— Я тебя и отсюда достану, — невозмутимо прогудел Хаг, Янка сразу узнала голос серокожего здоровяка.

— Доплюнешь? — насмешливо, с явным превосходством, уточнил гнусавый и захихикал. Его смех с угодливой готовностью шакалов подхватила еще парочка подпевал.

— А может, у него праща в сапоге? — едко предположил один из насмешников.

Гад неодобрительно нахмурился, поставил сумки с запасами бабушки Любы и рывком распахнул дверь башни. Действительно, на низкой скамье сидел утренний знакомый Янки Фагард Хагорсон, или, как он представился, просто Хаг. Причем не просто сидел, а небрежно опустив руку, крутил в пальцах небольшой камень. Похоже, один из насмешников в своих предположениях не ошибся. За неимением пращи в сапоге Хаг собирался воспользоваться рукой и метким броском заткнуть рот кому-то из хамов, упражнявшихся в ослоумии. Уж кем-кем, а жертвой здоровяк быть не собирался, вот только сия очевидная истина пока не дошла до насмешников.

Компашка из трех молодцов стояла поодаль. Смазливый шатен с длинными до плеч волосами и пара его подпевал были одеты в одинаковую одежду синего цвета с одинокой полоской красного канта на рукавах и вороте жилета. Жилет украшала маленькая брошь в форме листочка, на которой имелась цифра два и буква «П». Форма напоминала ту, в которой ходили в Янкиной школе. Брюки, рубашка, жилет. Только воротник рубашки был скроен иначе, а жилет, скорее, напоминал свободный пиджак без рукавов.

— Студент Дрий, как погляжу, вы любите раздражать окружающих, побуждая их к немедленным действиям? Что ж, у меня есть для вас работа по душе! Горнист академии,

трубящий побудку! — объявил декан.

— Так здесь же колокол есть, чтобы народ поднимать, я утром слышал, — поспешил вывернуться нахал, напоказ тряхнув густой каштановой челкой.

— А он сломался, старый артефакт все-таки, — любезно, с самым фальшивым сожалением объяснил Гад. — Хорошо еще тот, что время занятий отсчитывает, исправен.

— Вот-вот, — неожиданно поддержала декана ректор, совершенно незаметно не только для Янки, но и для всех присутствующих материализовавшаяся в холле башни вместе с юным дракончиком. — Так что, студент, начиная с завтрашнего дня и на две циклады — вряд ли колокол починят раньше — ты у нас назначаешься ответственным за побудку всех трех общежитий. Конечно, самому тебе придется подниматься на час раньше остальных студентов, но на какие жертвы не пойдешь ради любимого дела, правда?

— А если я сам просплю, госпожа ректор? — попытался вяло отбрехаться попавший в переплет негодник.

— Ничего страшного, я попрошу коменданта будить тебя вовремя. У старика все равно бессонница, ему не в тягость, — невозмутимо улыбнулась ректор, продемонстрировав очень острые белые клыки. Взгляд на них заставил студента нервно сглотнуть и склонить голову, принимая почетную обязанность горниста.

Пока вожак препирался с руководством, его подпевалы слиняли под шумок, растворившись среди прочих студентов в синем, заполонивших просторный двор. Форма отличалась лишь цветом канта на вороте и рукаве жилета, а так же маленькими, похожими на листики значками. Приглядевшись, Янка различила на них цифры от двух до пяти и буквы «П», «Л» или «БП». Похоже, значки на одежде — эмблемы, позволявшие определить номер курса и факультет студента. Заодно девушка пригляделась к женской форме и не без облегчения отметила: юбки тут носили вполне приличной длины — до середины лодыжки. Что-то подобное зимой, чтобы не стыли ноги, таскала в универ и сама Янка.

Кстати, молодежь большей частью кучковалась в западной стороне площади, напрочь игнорируя или, что вернее, совершенно осознанно избегая восточной. Та заканчивалась не стенами зданий и арками-проходами куда-то вглубь территории академии, а высокой каменной стеной с совсем не декоративными острыми зубцами.

Гад коротко улыбнулся и взмахом руки велел Янке следовать за ним, Шаортан почти выволокла кудрявого дракончика с пухлой кожаной сумкой на плече.

— Отпустила бабушка-то? — подмигнул щуплому пареньку невозмутимый, как скальный утес в бушующем море, Хаг.

— Ректор Шаортан умеет быть очень убедительной, — вяло отозвался парень.

Похоже, бабуля не выпустила внука без боя, и парень, впрочем, как и госпожа ректор, выглядел немного пожеванным. Поправив ремень сумки на плече, блондинчик тяжело вздохнул.

— А вещи зачем? — удивилась Янка. — Мне сказали ничего не брать. Все равно в негодность придет, да и форму выдают.

— Бабушка настояла. Я быстро расту, все равно выбрасывать, — криво улыбнулся Машьелис и, продемонстрировав похвальную наблюдательность, заметил: — Ты, между прочим, тоже с сумками!

— Это не вещи, а еда, у меня тоже есть бабушка, — оправдалась Янка, и они с блондинчиком понимающе переглянулись и синхронно вздохнули. Да уж, бабушки — они такие бабушки! Вне зависимости от мира проживания!

— Итак, абитуриенты, — закончив разбор полетов с проштрафившимся студентом, над которым теперь откровенно потешалась вся площадь, подуставшая в боях с бабушкой-драконом Шаортан встряхнулась и переключила свое внимание на утренние жертвы Прялки Судьбы. — Сейчас вы должны проследовать к Арке Выбора, дабы пройти процедуру распределения по факультетам.

— Где арка? — уточнил Хаг, подозрительно озираясь. Ничего архитектурно похожего в той стороне, куда махнула рукой ректор, не наблюдалось. — Она невидима?

— Идите, и она появится, — дала ценные указания дракесса.

— Значит, я отправлюсь туда, увижу арку и пройду под ней? — педантично уточнила Янка, не стремясь сломя голову кидаться в неизвестность.

— Совершенно верно, — нетерпеливо согласилась Шаортан, только что в спину не подталкивая «жертвы». — Давайте, идите по нужной дорожке!

— Про дорожки вы ничего не говорили, — застыла на месте землянка. — Здесь только плиты.

— Когда Арка Выбора возникает не для одного, а для нескольких абитуриентов, процедура распределения немного меняется, — терпеливо пояснил Гад, уже успевший убедиться в настойчивости девушки и понять — проще объяснить что к чему, нежели надавить и ждать, пока она поддастся. — Каждый из вас после возникновения арки увидит светящуюся дорожку, по которой ему захочется пройти. Ошибиться и пройти по чужой тропинке не получится, не волнуйтесь.

— Пошли, что ли? — встав со скамьи, предложил Лису и Янке здоровяк и первым направился в сторону высокой стены. Не пригодившийся в стычке камешек парень аккуратно убрал в один из мешочков на поясе.

Девушка вздохнула и пристроилась в кильватере у Хага, от всей души надеясь на то, что их не разыгрывают, устраивая что-нибудь вроде шуточной церемонии посвящения, и арка действительно появится. Волшебство — оно такое волшебство, сила еще более могучая, чем бабушки! Те, во всяком случае, более предсказуемы. Если имел дело с одной, то и других поймешь. А вот магия, как успела убедиться Янка за одно короткое утро, куда более разнообразна в своих проявлениях.

Площадь перед высоченной башней была выложена серыми плитами. В городе, где училась девушка, тротуары перед магазинами или вдоль центральных улиц часто мостили мелкими серыми или красноватыми плитками. Выглядело вполне прилично, но стоило ударить первым заморозкам, и ноги начинали скользить по этим плиткам так, что невольно закрадывалась мысль: а не состоят ли плитоукладчики в стоворе с травматологией местной больницы? Слишком уж повышалось их трудами число пациентов с вывихами, растяжениями и переломами. Сама Янка тоже пару раз падала на плитках. Хорошо еще — только синяками отделалась, да стала на остановку ходить дворами. Пусть асфальт побитый, в ямах и рытвинах, зато не скользко.

Впрочем, здешние плитки были побольше городских: размером с полметра и цветом посимпатичнее — серые, с едва заметным желтоватым отливом, как речной песок на пляже. Никаких светящихся тропинок в пределах видимости не наблюдалось, Впрочем, как и арок.

Не наблюдалось ровно до того момента, когда трое абитуриентов приблизились к стене еще на несколько метров. А потом — бац! — и она (арка) «наблюлась». Возникла из ниоткуда и засияла, разбрызгивая ярчайший свет переливами всего цветового спектра — от ярко-красного до темно-фиолетового. Магическое радужное коромысло оказалось

огромным, минимум с двухэтажку.

Появление арки-радуги не прошло незамеченным для остальной, тусовавшейся на площадке публики. Среди студиезов послышался восхищенный гул. Очевидно, именно для того, чтобы поглазеть на сверхъестественную радугу, а вовсе не ради утреннего променада или встречи трех новых студентов публика и толкалась на площади. Зрелище, Янка была готова согласиться, стоило того, чтобы его ждать и любоваться.

«Если бы я верила в ирландские приметы, точно ринулась бы с ломиком и лопатой на поиски горшка золота под основанием здешней арки», — успела подумать девушка и, невольно сощурившись, сделала очередной аккуратный шаг.

Плиты под ногами вспыхнули. Не загорелись обжигающим ступни пламенем, а засветились, засияли, переливаясь, как арка, но не всем спектральным великолепием, а разнообразием одного зеленого цвета. Зато он был представлен во всей полноте: от бледно-травянистого до насыщенно-изумрудного.

— Ух ты, малахитовая дорога, как для вождя выстелили, — восхищенно цокнул языком Хаг, и Янка оторвала взгляд от своей тропинки только для того, чтобы увидеть, как под ногами ее спутников светятся дорожки точно таких же оттенков.

Три дорожки одинакового цвета сияли и будто бы нетерпеливо подталкивали идущих по ним вперед, под арку. Понимая, что отступать все равно уже поздно, Янка набрала в грудь побольше воздуха, как если бы собиралась задержать дыхание, и пошла на поводу магии. Вперед, в странные сияющие ворота!

Момент самого прохода отложился в памяти покалывающим теплом, охватившим все тело от макушки до пяток, и светом, таким ярким, что пришлось заморгать и зажмуриться. А когда Янка открыла глаза, удивилась тому, как тускло, почти темно, стало на площади. Радуга исчезла, оставив на запястье щекочущую зеленую полоску — не то татуировка, не то браслет шириной в палец. Точно такие же браслеты рассматривали на руках дракончик и Хаг.

— Надо же, все трое — ко мне! Такого везения следовало ожидать. — Ироничный голос декана послышался совсем рядом, Янка даже не успела заметить, как тот подошел.

— К вам? — поспешил уточнить Лис.

— Факультет блюстителей пророчеств, — с каким-то философским смирением в голосе объяснил Гад и махнул троице рукой. — Первокурсники, за мной, помогу вам заселиться в общежитие. А то сами до вечера провозитесь, а завтра уже занятия.

Сумки, собранные бабушкой Янки, декан не забыл. Тащить все сам не стал, нагрузил студентов, распределив строго, но справедливо: три сумки силачу Хагу и по одной самой Донской и Машьелису. Девушка, покосившись на хрупкого сокурсника, взяла себе ношу потяжелее. И все равно Машьелис, вынужденный волочь чужие вещи, недовольно сморщил нос. Имел право! Свою-то сумку он нес сам и ни у кого помощи не просил, Янка вот тоже не стала бы просить, но коль декан велел... Впрочем, блондинчик не преминул возмущенно прошипеть для порядка:

— Чего же ты столько с собой тащишь?

— Бабушка вареньями и соленьями на дорожку нагрузила. Проще было взять, чем объяснить, почему не надо, — вздохнула девушка и пообещала: — Я вас грибочками и вареньем обязательно угощу!

— О, грибы есть! А какие? — добродушно уточнил Хаг.

— Опята и грузди, — отчиталась Янка, помогавшая в увлекательном деле сбора и нудном процессе закрутки.

— Лады, — причмокнул тролль.

— А я варенье больше, чем грибы, люблю, — признался Лис, с новым практичным интересом глянув на пять сумок подарков запасливой старушки. И сразу перестал изображать сломленного непосильной ношей страдальца. Вот притворщик!

— Две банки земляничного варенья — мои, — не оборачиваясь, предупредил Гад и вздрогнул от окрика ректора Шаортан, с легкостью перекрывшего шум, царивший на площади. Дама метнула в спину копье вопроса:

— Декан, а новую заявку по полной комплектации я за тебя рисовать буду?

Гад, будто в него и впрямь чем-то кинули, вздрогнул всем телом, обреченно вздохнул, огляделся и издал зычный крик:

— Стефаль!

Рядом с троицей новоявленных студентов и деканом факультета блюстителей пророчеств нарисовался высокий зеленоглазый блондин с заплетенными в сложную французскую косу волосами. Высокие скулы, тонкий нос, брови цвета темной пшеницы. На этаким красавце смотрелась как парадный мундир даже синяя форма с четырьмя полосками зеленого канта на манжетах и воротнике. Да обряди такого типа в рубище, и оно смотрелось бы нарядом от кутюр.

Янка украдкой вздохнула. Недолюбливала она слишком красивых парней из-за того, с каким высокомерием те порой на нее посматривали.

— Стеф, не в службу, а в дружбу, проводи новичков до общежития, помощи получить вещи и устроиться! — попросил Гад.

— Конечно, декан, как староста факультета я с удовольствием все сделаю, — педантично, пусть и без бросающейся в глаза особой радости, склонил причесанную голову парень. Прядки волос в районе ушей на мгновение разъехались, приоткрыв острые кончики.

Глава 3

Недолгие проводы

— Ясного дня. Я Стефаль Лаэрон, студент четвертого курса факультета блюстителей пророчеств и его староста, — первым делом представился привлеченный к работе парень. — Могу поинтересоваться вашими именами?

— Хаг, — кивнул тролль, стукнув себя по плечу сжатым кулаком.

— Машьелис о Либеларо, — едва заметно наклонил кудрявую голову блондинистый дракончик, представившись в отличие от тролля полным именем.

— Яна Донская. — Реверансам Яна обучена не была, потому просто назвалась.

— Отлично. Идемте за мной, общежитие недалеко, — велел Стефаль и, не оглядываясь, направился к проходу между башней и трехэтажным домом из светлого камня, оккупировавшим чуть ли не всю правую сторону площади.

— А что там? — уточнил диспозицию Хаг, кивнув на длинное здание, похожее на букву «Г». Оно окружало площадь так, что для высокой стены и огромных входных ворот с небольшой калиткой и невысокой башенкой оставалось немного места. Кстати, башенка из трехцветного светофорного кирпича очень напоминала КПП (или как у них тут это называется? — Яна не знала).

— Архив исполненных пророчеств на первых двух этажах, на третьем — картотека всех учащихся академии, как бывших, так и нынешних, — мимоходом бросил староста. — Я как раз сегодня данные по первому курсу из административного корпуса заносил. — Эльф махнул рукой на другую каменную трехэтажку. В Лапе на первом этаже большая карта академии с обозначениями. Захотите, посмотрите.

— В Лапе? — теперь уже переспросил дракончик.

— Общежитие так прозвали. Оно одно на три факультета, форма здания интересная, потому и Лапа, — с легкой полуулыбкой объяснил проводник.

— А наружу отсюда выпускают? — покосился на «КПП-светофор» Машьелис.

— В дни отдыха — конечно. В рабочую часть циклады — нет. В четвертый и шестой дни, отведенные для самостоятельной работы, только по разрешению декана или мастера-преподавателя — для посещения городского архива и библиотеки, — спокойно разъяснил проводник и даже приостановился на несколько секунд, чтобы тройка первокурсников имела возможность в последний раз оглядеть площадь. — С разрешением подходите к мастеру-дежурному, и добро пожаловать в город Дрейгалът. Только делать там особенно нечего. Кормят в нашей столовой лучше, чем во многих городских кафе, ученические товары в лавке дешевле. Разве что на прогулку по историческим местам сходить.

— Стефаль, ясных дней! — защебетали, устремившись к старосте, две симпатичные девицы в форме, отделанной ярко-ярко-желтой каемочкой. Причем у одной красотки в кудряшках просматривались витые рожки, а у другой по щекам вились симпатичные узоры из мелких чешуек.

— Гала, Эльтира, — вежливо кивнул Стефаль, а девушки рассиялись так, словно им не студент улыбнулся, а как минимум известный актер. — Простите, но я вынужден покинуть ваше чудное общество и сопроводить первокурсников к общежитию.

Быстро, пока девушки не напросились в компанию, староста свернул обзорную

экскурсию и летящим шагом устремился к арке. Новички, уж на что у Хага был широкий шаг, чуть ли не бегом ринулись следом. За аркой открывался настолько обыденно-университетский вид, что Янка даже немножко растерялась. Травка, кустики, деревья, клумбы, дорожки, скамейки вдоль них, разбросанные по территории корпуса — все было почти знакомо. Разве что зелень казалась чуть зеленей, чем любой газон в парке, да кое-каких цветов на клумбах землянка узнать не смогла. Другое дело экзотический вид студентов. Вот взять хотя бы сопровождающего.

Янка шла молча и украдкой бросала на старосту озадаченные взгляды, пытаясь сообразить, представителем какой расы является юноша. Машьелис заметил состояние девушки и не преминул подколоть:

— Остроухий понравился?

— А? — оторвалась Яна от мыслительного процесса, поудобнее пристраивая на плече ремень тяжелой сумки. — Нет, я думаю.

— О чем? — теперь уже изумился юный дракон, не ожидавший такого ответа.

— Какой он расы?

— Как какой, гоблин, конечно, — на голубом глазу объявил Лис.

— А почему кожа не зеленая? И где клыки? — простодушно озадачилась девушка, смутно припоминая гоблинов из фильмов.

— Болел в детстве, а клыки в драке выбили, — беспечно пожал плечами дракончик.

Хаг оглушительно захохотал, чуткое ухо Стефалья, прислушивающегося к разговору, дернулось, он смерил шутников взглядом врача, совершающего обход пациентов дома с желтыми стенами, и терпеливо объяснил:

— Я эльф, понятно, человек?

— Понятно, — миролюбиво согласилась Янка.

— У вас на первом курсе расоведение будет, все узнаешь, — покровительственно, с толикой превосходства, дарованного опытом старожилы, улыбнулся Стефаль. — Начнете с основных рас, а на втором курсе уже редкие пойдут.

— Спасибо за информацию, — вежливо поблагодарила девушка и, решив вопрос с расой, спросила о другом.

Когда ее что-то озадачивало, Янка предпочитала спрашивать сразу, не боясь показаться смешной или глупой. С ее-то внешностью — не все ли равно? Лучше знать, чем не знать и из-за этого попадать впросак.

— Скажи, а зеленая кайма на форме означает студента факультета блюстителей?

— Конечно, цвет браслета и отделка формы, как и цвет рабочей мантии, которую мы только на лабораторные надеваем, зеленые, — удивился незнанию столь элементарных для любого абитуриента вещей староста. — По цвету полос на форме определяется факультет студента, а значок на жилете с цифрой и аббревиатурой указывает и курс, и факультет.

— Ага, понятно, значит, у нас — зеленые, у провидцев — красные, а у летописцев — желтые полосы? — шустро провел ориентировку по значкам и полоскам Лис.

— Да, — подтвердил Стефаль.

— А чему учат на факультете блюстителей? — продолжила допытываться девушка.

— Блюсти пророчества, конечно, — хихикнул Машьелис.

— Так и есть, — коротко улыбнулся эльф. — Нас учат следить за соблюдением пророчеств и корректировать их исполнение в случае необходимости. У вас завтра будет вводная лекция, там расскажут подробнее обо всех факультетах.

— Спасибо. — Уяснив смутную суть будущей профессии, Янка отложила рассуждения о ее практической пользе на потом и с удвоенным интересом закрутила головой, изучая местность.

Пройдя по дороге между зданиями, будущие студенты и староста оказались на открытом пространстве, в очередной раз напомнившем девушке родной университет, точнее, его сквер. Минимум деревьев, газонная, то есть какая-то приглаженная, травка, разноцветные кустики, скамеечки, несколько памятников, один фонтан и разбросанные по периметру, как кубики из конструктора, разнокалиберные здания. Горстки студентов в синей форме хаотично перемещались по территории.

Смилостивившись над новичками, староста не стал отсылать их к плану академии, висящему где-то в общежитии со странным прозвищем «Лапа». Стефаль щедро поделился информацией с бедолагами, опоздавшими на общефакультетский ликбез для первокурсников:

— Вот те несколько белых зданий дальше, по правую сторону, туда ведет отдельная дорожка, — апартаменты педагогов. Впереди по основной дороге, смотрите и запоминайте, учебные корпуса. Слева желтый дом — лечебница, там и занятия по лекарскому делу проходят. За лечебницей грядки и теплицы с лекарственными растениями. Справа от дороги — зеленый корпус с залами для физического совершенствования тела, площадками для нагрузки, для игры в дван, беговыми дорожками и полосой препятствий. Дальше расположен основной квадрат учебных корпусов. Направо от них здание из светло-серого камня — общежитие студентов. Библиотека в нем же. Рядом, слева от общежития, столовая, административный корпус и торговая лавка с мелочами. Лесок слева от квадрата учебных корпусов — это лесопарк академии. Без сопровождения старшекурсников туда лучше не ходить. Большие теплицы отсюда не увидите, они под защитной погодной завесой. Академия много овощей и фруктов выращивает сама. Господин Байон, мастер растительной магии, за этим неусыпно следит!

— А что за каменное дерево вот там, за общежитием и учебными корпусами? — Хаг махнул рукой вперед, туда, где высилась поистине монументальная скульптура. Не герой какой-нибудь или краса-девица в духе античности, а здоровенное дерево с листьями и шарообразными некрупными плодами, собранными в небольшие кисточки.

— Там самый большой сквер для прогулок. А это Игидрейгсиль — Великое Древо — символ Академии пророчеств и предсказаний. Вам подробно расскажут о нем на общей вводной лекции и на лекциях мастера Ясмера по основам Мироздания и истории Игиды, — с явственным уважением по отношению к символу и мастеру пояснил Стефаль.

— Симпатичное, — вяло пожала плечами девушка, пока не питающая к скульптуре древа-символа каких-либо особенных чувств. По счастью, благоговение перед памятниками в отличие от интуитивного понимания любого языка в адаптивных целях в голову студентов при попадании в академию не вкладывалось.

— Древо — основа основ не только нашей академии, но и Мироздания, — наставительно поправил староста факультета.

— Хм, понятно, — буркнул что-то для себя решивший Хаг.

— А у вас тепло тут, — блаженно прижмурился под лучами начавшего пригревать солнышка Машъелис и, поставив сумку на свободную скамью у дорожки, расстегнул и сбросил свою элегантную курточку, оставшись в кружевной белой рубашке.

Немного вспотевшая девушка решила последовать примеру дракончика. Примостив

сумку, Янка вжикнула молнией свободной джинсовой куртки и перекинула ее через лямку сумки с припасами. Не удержавшись, потянулась, привстав на носочки, прогнулась всем телом.

Рядом кто-то поперхнулся воздухом и закашлялся. Янка резко раскрыла глаза. Зарозовевший, как яблочко-ранетка, Стефаль жадно ловил ртом воздух.

— Подавился, болезный? — сочувственно уточнил здоровяк Хаг у проводника и, не дожидаясь ответа, услужливо хлопнул эльфа по спине.

Бедного старосту отчетливо шатнуло. Волосы опять взметнулись, открыв розовые кончики ушей. Стефаль поспешно отпрыгнул от «доктора» и заверил «спасителя»:

— Нет-нет, больше не надо, все уже прошло.

Потом покосился на Янку и почему-то из розовой ранетки превратился в густо-красный делишес. Девушка сочувственно вздохнула, порылась в бабушкиных запасах и, достав бутылку с яблочным соком, отвинтила крышку.

— На, хлебни сочку яблочного! — от чистого сердца и широкой русской души предложила Донская бедному старосте.

— Благодарю. — Даже сип у эльфа вышел каким-то мелодичным. Стефаль с полупоклоном принял стеклотару и глотнул, потом глотнул еще раз и еще.

О чем-то напряженно размышляя, староста выхлебал литр сока, при этом ни с кем не говорил, а смотрел исключительно на газон.

— Ты как? Еще не оклемался или задумался о чем? — заботливо уточнил Хаг, когда Стефаль три раза подряд попытался глотнуть из опустевшей бутылки.

— Все в порядке, — глубоко вздохнул эльф, успевший вернуть себе нормальный цвет лица и ушей. Даже отступил на шаг от здоровяка, чтобы не нарваться ненароком на очередную лечебную процедуру. Вернув девушке бутылку, он еще раз поблагодарил поилицу и, отведя в сторону глаза, норовящие сползти с лица студентки куда-то пониже, снова повел компанию к общежитиям.

— Эх беднягу разобрало от твоей фигуры, а? — шепнул ухмыляющийся дракончик и украдкой пихнул девушку куда-то в район пышного бедра. Как только стресс от испуга прошел, трусоватый пацан явил свою истинную сущность записного проказника.

— Скажешь тоже, болтун! Подавился человек, то бишь эльф воздухом. С кем не бывает? — отмахнулась девушка, аккуратно опуская бутылку в урну-колокольчик рядом со скамьей. Вторая, черная урна, была дальше, да еще и крышкой странной прикрыта. Наверное, предназначалась для других отходов. Мусор-то, он в любом мире встречается в изобилии, так что и сортировать его тоже могли научиться в любом мире. Задавать старосте вопросы на этот счет Янка не стала, подождет, пускай в себя придет, задохлик.

— Ну да, ну да, — снова хихикнул блондинчик в ответ на отмазку «подавился» и тут же, прервав веселье, удивленно выдал: — О, теперь понятно, почему «Лапа».

Общежитие трех факультетов представляло собой большое, не столько высокое, сколько длинное здание. Три корпуса сходились воедино. В основании ЛАПЫ имелось несколько дверей, ведущих в большущий холл. Туда, собственно, Стефаль и вел будущих студіозов.

В светлом высоком холле, годящемся больше для того, чтобы служить вратами в какой-нибудь храм культуры — театр или концертный зал, на худой конец, филармонию, — было довольно шумно и людно. Ясное дело, не все из снующих вокруг ребят и девушек являлись людьми, но, поскольку все передвигались на двух ногах, имели две руки и вполне человеческие черты лиц, Янка решила не углубляться в детали. Люди и люди, даже если

эльфы, тролли, гоблины, орки или драконы, все одно — люди.

Пол был каменным, из широких, выложенных узором больших ромбовидных плит. Точно такие же ромбы на потолке горели как лампы дневного света, освещая пространство там, где не доставало света, льющегося из окон. Высокие колонны подпирали потолок. Несколько диванчиков и кресел стояли неподалеку от стен, их частично прикрывали кадки с живыми растениями, отгораживающими уголки отдыха от чужих взглядов.

Три широкие лестницы в конце холла расходились лучами: прямо, налево и направо. Стены рядом с каждой из лестниц служили еще и досками объявлений для студентов. Издалека Янка опознала только типичную для любого учебного заведения карту территории, о которой говорил староста.

Стефаль между тем не оставил трою, а быстрым шагом повел прямо под центральную лестницу. Распахнул прикрытую дверь и вежливо позвал:

— Комендант Олхрокх, можно?

В ответ послышалось несколько щелчков, присвистов и, наконец, последовало сварливое разрешение:

— Заходи, Стефаль, что у тебя?

— У нас. Еще три новых студента на факультет блюстителей, — уточнил староста, кивком головы предлагая спутникам следовать за собой.

— Еще трое, — некто устало присвистнул.

Спустившись по небольшой — всего с десятков широких ступеней — лесенке вниз, компания оказалась в нужном месте. Вопреки местонахождению подсобкой помещение не было. Скорее уж оно походило на большой и отлично организованный склад с многочисленными полками, полочками и шкапами. Слева от всего этого великолепия стояла вполне типичная с виду стойка, за которой виднелся стол. А вот уже за ним находился тот самый комендант Олхрокх. И уж он ничем на типичного гуманоида не смахивал, потому как гуманоидом вовсе не являлся. Больше всего обитатель склада напомнил Янке ярко-голубого осьминога. Большая голова с выпуклыми глазами, клюв, множество рук-щупалец с присосками, гибкое тело — все это очень походило на представителя головоногих.

Зато занятие осьминога вполне соответствовало званию коменданта: он сидел в высоком кресле, держал в щупальце ручку и что-то проворно строчил в грессбухе.

— Ух ты, голубой осьминог! — непосредственно восхитился Хаг. Вот только что в этой непосредственности было искреннего, а что — провоцирующего коменданта на откровенность, осталось неясным для окружающих. Ну а Янка, оторопело разглядывающая странное создание, и вовсе никакого подвоха не заметила.

— С вашего позволения, юноша, силаторх, а не осьминог. К обитателям морским наша раса имеет самое отдаленное отношение. Куда более отдаленное, чем можно решить, руководствуясь внешним сходством. Ваше невежество не является поводом для оскорблений, — щелкнул клювом комендант и глянул на тролля так, что Янке невольно представился какой-нибудь профессор, взирающий на неуча-студента из-под очков.

— У него еще не было расоведения, господин комендант, — оправдал Хага Стефаль.

— Оно и видно, — хмыкнул силаторх и уже деловито осведомился: — Стало быть, три комплекта для новичков?

— Да, — коротко кивнул староста.

— Сам к комнатам проводишь, мне недосуг, — распорядился осьминог, осьминогом вовсе не являвшийся.

— Разумеется, — охотно смирился с «горькой» участью эльф.

Педантично поместив ручку в держатель, силаторх ловко оттолкнулся от стола щупальцем, и кресло повернулось вокруг своей оси, открывая коменданту доступ к длинным рядам полок с разными разностями, среди которых имелись аккуратные стопки комплектов формы вплоть до курток, рассчитанных на прохладную погоду, шапок, обуви, постельного белья, полотенец, канцелярских товаров и прочих жизненно необходимых каждому студенту мелочей.

Янка задумчиво глянула на бойкий — в восемь щупалец — процесс компоновки «комплектов для новичков» и шепотом уточнила у Стефаля:

— А почему у нас размеров не спросили? Форму самим подгонять надо будет?

— Зачем мне ваши слова? — сварливо отозвался комендант вместо старосты. — Я глазам больше верю. И ты поверь! Вот коль примеришь, а что-то не впору окажется, тогда приходи с претензиями.

Щупальца осьминога живо сновали среди полок, водружая на широкую стойку рядом с письменным столом три аккуратные стопки. Оглядев набранное, силаторх оттолкнулся от кресла и взлетел. Пораженно ойкнул Лис. Комендант прямо по воздуху проплыл к дальним полкам, где продолжил методичную выборку.

— Он летает, — как-то заторможенно констатировал очевидное тролль. Похоже, его неколебимому спокойствию и устоявшимся представлениям об основах мироустройства только что был отвешен чувствительный пинок.

— Конечно, летаю, попробовали бы вы на щупальцах бегать, — проворчал комендант. Он плюхнул очередную кипу вещей поверх трех стопок, в шесть щупалец одновременно упаковал набор первокурсника в три объемных мешка с истершейся синей печатью «АПП» в левом углу и объявил: — Все, забирайте! Средняя стопка девушке, по краям для парней!

Почесав голую голову и совершенно по-человечески сморщив лоб, осьминог хлопнул себя щупальцем:

— Вот ведь! Чуть не забыл!

Комендант подплыл к резному деревянному шкафчику, висящему рядом с рабочим столом, приложил щупальце к створке. Шкафчик на миг вспыхнул золотым свечением и открылся. Осьминог вытащил из его недр три позвякивающих мешочка и три вполне заурядных ключа с бирками.

— Ваши подъемные и ключи от комнат. Троллю и дракону — номер восемнадцать, человечке — шестая.

— Мм, а разве отдельных апартаментов не предусмотрено? Я согласен доплатить, — вытянулось лицо Лиса, скептически изучающего ключ на маленькой цепочке с плоской деревянной биркой-номерком, у которой откололся нижний уголок.

— Не предусмотрено никому, кроме старосты факультета! — отрезал силаторх и ехидно уточнил: — Но раз ты такой богатый, то в единовременной стипендии на обустройство не нуждаешься?

— Еще чего! Конечно, нуждаюсь! — замотал головой кудрявый блондинчик, быстро сцапал маленький звякнувший мешочек, лежавший рядом с ключом на стойке. И только затем стащил за шнурок мешок с вещами.

— Чтобы дракон да от денег отказался?! — хохотнул Хаг, подгребая свое имущество.

— Вещи сдавать на хранение будете? — деловито уточнил комендант, не спеша опускаться в удобное кресло.

— Буду, — тут же отреагировала Яна и выставила на стойку свою сумочку. Вынула из ушей золотые гвоздики — мамин подарок — и сняла с запястья часы. Все убрала под молнию в боковой кармашек.

Хаг и Машьелис щедрым предложением силаторха не воспользовались. У первого сдавать, кроме собственной одежды, было нечего, а бегать голышом перед новыми знакомыми парень не хотел. Второй заранее списал в расход все свое имущество, напиханное сверхзаботливой бабушкой, и теперь собирался выяснить экспериментально, что и сколько продержится.

— Вещи возвращаются по требованию и предъявлению номерка комнаты, — оповестил осьминог публику.

Янка благодарно кивнула и протянула руку к выданным пожиткам.

— Я помогу, — объявил Стефаль и буквально выхватил мешок, предназначенный Янке, из-под пальцев девушки. — Сейчас заселитесь, а потом до библиотеки провожу. Спасибо, комендант!

— Ступайте, — махнул щупальцем силаторх и отправился с Янкиной сумкой куда-то вглубь хранилища.

Будущие студенты, прибавившие к пяти сумкам еще три, вышли из совмещенного со складом кабинета осьминога и двинулись к центральной лестнице. Именно она вела в общежитие блюстителей.

— Эй, а значков-то студенческих нам не дали, — запоздало спохватился Машьелис и собрался было вернуться для вытряхивания положенных символических украшений из коменданта.

— Вам их завтра на вводной лекции дадут, — поспешил придержать ретивого дракончика староста и улыбнулся эдак загадочно, словно во вручении эмблемы АПП таилась некая тайна.

— Тогда ладно, — разом успокоился блондинчик, не видевший улыбочки эльфа, и легко, будто не тащил несколько сумок разом, взбежал по лестнице наверх.

По сравнению с холлом в коридоре на втором этаже было почти тихо. Из-за отдельных дверей время от времени раздавались смех, звуки веселой болтовни или спора, но многоголосого неумолчного гула не слышалось. Ковровая дорожка симпатичного зеленого цвета, не изуродованная никакими узорами, устремлялась вдаль. Примерно посередине коридор расширялся, образуя овальный зал, достаточно просторный, чтобы вместить в себя несколько диванчиков, стульев и кресел. Там же имелись диск с прилегающим к нему молотком на цепочке, очень похожие на те, что видела Янка в Башне Судьбы, и большая доска объявлений у панорамного окна. Вот тут активно общающихся девчонок и парней уже было где-то пятнадцать.

— Это зал собраний факультета, — пояснил эльф. — На доске дублируются все объявления по академии, расписание и сообщения по отдельным курсам. До зала — комнаты парней, дальше — девушек. После десяти вечера вход на девичью часть общежития для парней блокируется.

Янка приняла информацию к сведению, попробовала сосчитать мебель в зале и нахмурилась. Почему-то выходило маловато.

— А сколько всего студентов на факультете? — опережая девушку, уточнил тролль.

— Пятьдесят два, — ответил Стефаль. — Первокурсников сейчас нет в здании. Они на экскурсии по академии со старостой третьего курса Грахдом. Блюстителей пророчеств

немного. Чаще всего Арка Выбора отправляет студентов учиться на летописцев и провидцев, на наш факультет приходится вдвое меньше. То, что вы, сразу трое, к нам попали — редкость. Да и процент отчислений у нас самый большой.

— Экзамены сложные? — насторожилась Донская.

Ей ужасно не понравилась новость про отчисление. Совсем не хотелось вылетать из этой академии ни за что ни про что, раз уж из другого института силком выдернули.

— Нет, если нормально заниматься, экзамены и зачеты сдать несложно. Часть студентов после практики отсеивается, — отозвался староста и чуть сдвинул тонкие брови, будто припомнил что-то неприятное.

— Надеюсь, не посмертно? — со смешком, но явно чуток струхнув, шустро уточнил Лис.

— Нет, браслет факультета с руки исчезает, и знак АПП на форме рассыпается в пыль, если Игидрейгсиль не сочло практику успешной, — пояснил Стефаль.

— Мм, ты сейчас про ту скульптуру? — осторожно уточнила Яна, не зная, то ли сомневаться в душевном здоровье эльфа, то ли списать и этот фокус с отсевом на непонятную магию академии.

— Нет, — покачал головой староста. — Я про Игидрейгсиль, истинное Древо, на чьих корнях воздвигнута Академия пророчеств и предсказаний.

— Хватит новеньких пугать, Стеф. — Яркая брюнетка со значком третьекурсницы перебила эльфа, соскочила с диванчика и, подлетев к компании, затараторила: — Вы его не слушайте! Практика — ерунда, на первом курсе ее вообще нет, на втором только в свидетелях побывать доведется! Скажите лучше, куда вас старик Олли заселил?

— Рованна, комендант Олхрокх не любит, когда коверкают его имя! — пожурил девушку староста.

— Ну так я к нему так обращаться и не собираюсь, а ты — зануда! Зря по тебе девчонки на других факультетах сохнут! Они не знают, какой ты нудный, Стеф! — пожала плечами тараторка, отмахнувшись от нравоучений, и повторно потребовала ответа: — Так куда?

— Нам с троллем — восемнадцатый, — Лис покачал номерком перед носом брюнетки, — а Яну в шестой.

— В шестой? К ифринг? — пораженно захлопала ресницами Рованна и тут же завопила, обращаясь к болтающим студентам: — Эй, народ, представляете, Олли поселил новенькую к Латте Иоле!

— Откажись, пока не поздно, проси свободную комнату! — из ближайшего кресла предложила Янке какая-то рыжая девица-второкурсница с капризным ртом, из-под верхней губки которого отчетливо проглядывала пара клыков.

— Почему? — удивилась землянка.

— Так ифринг же! — выпалила Рованна, округлив глаза.

— Не стоит навязывать свои предрассудки другим, — укоризненно нахмурился Стефаль. — Яна, не слушай их. Твоя будущая соседка, Иоле Латте, очень милая девушка.

При слове «девушка» Рованна показательно хмыкнула.

— Я предрассудками не страдаю, — безразлично повела плечом Донская, отчего уши у Стефаля снова начали менять свой колер. Сложно обзавестись расовыми предубеждениями, если еще несколько часов назад никаких рас, кроме человеческой, не встречала.

— Как знаешь, — фыркнула рыжая с клыками и безразлично отвернулась.

— Эй, тролль, ты в дван играешь? У нас на факультете три лучшие команды! — заорал

вихрастый брюнет с чуть приплюснутым носом, стоявший у доски объявлений. Голосивший был крупнее и выше Хага в плечах, вдобавок, как на лопате, подкидывал на широченной ладони овальный мяч.

— Играю, да не в ваш, мы камень кидаем, — охотно откликнулся тролль.

— Это почему? — Брюнет метнул через весь зал мяч в сторону говорившего. Никто из девушек даже не взвизгнул. Похоже, привыкли к подобным выходкам.

— А вот потому, — печально вздохнул поймавший мяч Хаг. Его пальцы рефлексивно сжались на кожаном боку мяча и оставили там три дыры, из которых со свистом вышел воздух.

— Однако, — искренне восхитился и столь же искренне пожалел о невозможности включения в команду перспективного игрока спортсмен. — Надо с Гадом обмозговать. Может, он какой состав для укрепления кожи подскажет. Или мастера Теобаля, как куратора и судью, напрямь. Вдруг чего придумает?

— А я тоже в дван играю! — гордо выпятил грудь Лис.

— В качестве мяча, что ли? — непосредственно удивился брюнет под общий гогот студиязов и тихий негодующий рык дракончика. — Ну, в общем, коли и вправду играешь, подходи на отбор послезавтра вечером. На третью площадку за спортивным корпусом. Рольд, наш капитан, отбор проводить будет, небось до самой ночи опять проторчим.

— Ребята, у меня руки от бабушкиных даров сейчас отвалятся, давайте уж поскорее сумки до комнаты донесем, — торопливо предложила Янка, пока Машьелис никому не нахамил и ни в какой конфликт не ввязался. Трусоватый-то он трусоватый, но, чувствуя молчаливую поддержку тролля, стоящего у правого плеча, вполне мог затеять перебранку. К счастью, слов девушки хватило, чтобы дракончик переключился на новую задачу.

Глава 4

Новая соседка и силаторхи в ассортименте

Комната под номером шесть была третьей с конца коридора справа. Староста добросовестно отконвоировал всю компанию до двери и вежливо постучал. Спустя полминуты створка открылась и наружу высунулась растрепанная серо-черная — в полоску — головка. По-анимешному огромные синие глазищи обвели явившихся удивленным взглядом, в котором плескался вполне закономерный вопрос: «И чего вы всей толпой ко мне приперлись?» Аккуратный розовый ротик тоже изумленно округлился.

— Ясного дня, Иоле, — вежливо склонил голову староста.

— Привет, я твоя новая соседка, Яна Донская, — вставила Янка, продемонстрировав в качестве доказательства ключ, покачивающийся на цепочке с номерком.

— А мы ее вещи принесли, — прогудел Хаг. — Куда положить-то, покажешь?

Этот элементарный бытовой вопрос вывел Иоле из ступора. Она отступила внутрь, махнула рукой и прочирикала:

— Там в комнате свободный шкаф.

Янка прошла первой, огляделась и издала довольное мычание. Эта комната на двоих студентов, пожалуй, побольше всей бабушкиной квартиры. Да, помещение было одно, но оно делилось на сектора столь умело, что оставалось вдоволь места и для спальной зоны с гардеробной, и для рабочего пространства, и для зоны отдыха.

В самом дальнем правом углу, у окна с симпатичными зелеными шторами, на которых порхали разноцветные бабочки, уголком стояли две кровати, аккуратно застеленные изумрудными покрывалами с золотистыми листочками по краям. Милые коврики с пейзажами лесного озера — в осеннем лесу справа и в весеннем слева — прикрывали стены спальни, а на полу лежал третий коврик с летним мотивом. Кстати, бабочки, вытканые на шторах, действительно порхали прямо по занавескам, как живые.

«Магия», — меланхолично решила Янка и двинулась к большому шкафу, на который показала Иоле. Он был встроен в стену у правой кровати. Распахнув створки, девушка принялась методично составлять банки на длинную нижнюю, вероятно, предназначенную для обуви, полку.

Парни приземлили остальные сумки рядом с первой и тут же были увлечены Стефалем заселяться в свои апартаменты. Напоследок эльф предупредил Янку, что зайдет через двадцать минут, чтобы отвести всех в библиотеку.

Янка, сосредоточенно сортирующая варенья-соленья, только угукнула в ответ, не отвлекаясь от работы. На несколько минут воцарилась тишина, которую нарушил робкий вопрос:

— Ты действительно хочешь со мной жить?

Донская подняла взгляд на худенькую большеглазую фигурку и снова угукнула.

— А тебе сказали, что я ифринг?

— Сказали. Только я все равно не знаю, кто это, — невозмутимо отозвалась Яна.

— А-а-а. — В голосе соседки прозвучали нотки разочарования и застарелого одиночества.

— Но мне все равно, — закончила свою мысль Донская и поменяла местами банки

клубничного варенья и соленых корнишонов.

— Ифринги рождаются девочками и так живут всю жизнь, если не встретят своего единственного в женском обличье. Тогда мы можем превратиться в мужчину. Мы любим лишь раз и навсегда, только в союзе с любимым у нас появляются дети, — коротко объяснила соседка.

— Э-э-э, — протянула запутавшаяся Янка. — То есть ваши любимые всегда женщины? Или они бывают разного пола?

— Разного, — внесла ясность в физиологию ифринг Иоле. — Но если единственная окажется женщиной, мы меняем пол.

— Поня-а-а-тно. И часто вы своих единственных встречаете? — заинтересовалась статистикой Яна.

— Редко, — вздохнула Иоле. — Мы вымирающая раса.

— А в чем прикол? Почему к тебе никто селиться не пожелал? — не поняла Донская.

— Сочли это неприличным. Если я вдруг завтра превращусь в парня, окажется, что они жили в одной комнате с мужчиной. Урон для репутации, возможные женихи косо смотреть будут, — вздохнула Иоле и робко уточнила: — Теперь ты тоже пойдешь проситься в другую комнату?

— Не я, — мотнула головой Яна, принимаясь за последнюю сумку с бабулиными богатствами. — Ты!

— Что? — непонимающе захлопала длинными ресницами ифринг, а глаза ее начали наливаться непролитыми слезами обиды.

— Я говорю, если вдруг ты завтра встретишь свою единственную, то уходить в другую комнату придется тебе. Мы ведь в женской части общежития, значит, парню тут жить нельзя, после десяти выпирают. А пока ты девушка, будем соседками, — обозначила свою позицию Яна.

— А-а-а... — Робкая улыбка прокралась на лицо Иоле.

— Красивые шторы, ковры, покрывала — это здесь было или сама покупала? — одобрительно уточнила землянка, кивнув на спальный уголок.

— Сама, — смутилась ифринг и только что ножкой пол не поковыряла. — Все равно стипендию девать некуда. Хотелось комнату украсить, и еще поначалу думала, если будет уютно, кто-нибудь решится ко мне переехать.

— Дуры! Небось как твою комнату после благоустройства увидели, так завидовать начали, потому и других отвадить пытались! — припечатала Янка, поднимаясь с корточек и с видимым облегчением хлопывая створку шкафа, потом вспомнила, что не разложила вещи из мешка, выданного комендантом, и открыла вновь.

А Иоле неожиданно рассмеялась звонким, как ветряные колокольчики, смехом и весело спросила:

— Тебе помочь?

— Не-а, с вещами не надо. Если сама не положила, потом искать тяжело. Но можешь помочь в уничтожении заготовок, которые мне бабушка в дорогу напихала? Декан Гад обещал две банки земляничного варенья забрать, Хаг за соленые грибы голосовал, но там еще немерено...

— С удовольствием, — снова улыбнулась Иоле, — я и варенье, и грибы люблю. Предлагаю на обед что-нибудь в столовую взять к общим блюдам.

— Идея! Заодно столовую покажешь, не все же время нам на хребте у старосты

ездить, — одобрила Янка, раскладывая по полкам и развешивая два комплекта формы, две зеленые мантии, белье, туфли на невысоком каблучке, что-то вроде мокасин и прочее, и прочее. Когда дошла очередь до постельного белья и рыльно-мыльных принадлежностей, пришлось уточнить: — А душевая и туалет тут на этаже?

— Э-э-э... да... нет... — на миг впала в ступор ирфинг и ткнула пальцем в угол комнаты, за полубублик большого дивана с высокой спинкой. — Там!

— Что, в каждой комнате? — не поверила своему счастью Янка. Она вскочила и, со скоростью пушечного ядра промчавшись к неприметной дверке, сливающейся с ровным бледно-салатовым цветом обоев, распахнула ее. — Ого!

Ванна и вполне стандартный на вид унитаз имелись в наличии! Комнатка, выложенная зеленой и белой плиткой, сверкала чистотой и большим зеркалом у раковины-тюльпанчика.

— Не знаю уж, как тут учить будут, но за удобства можно простить многое! — довольно констатировала неприхотливая, но это не значит, что не ценящая комфорта землянка, утягивая в ванную выданные комендантом полотенца.

— Учат интересно, — горячо заверила соседку Иоле и стеснительно предложила: — Я, правда, пока только на втором курсе, но если нужно будет помочь, обращайся!

— Спасибо! Пока за мной староста не пришел, про комнату расскажи. Что тут у тебя, где и как.

— У нас, — радостно поправила девушка соседку.

— У нас, — согласилась Донская, с сочувствием глядя на щупленькую Иоле, фактически ставшую изгоем только из-за особенностей физиологии расы. Нет, кажется, ее не травили всем коллективом, но слепое равнодушие подчас бывает поопаснее явной агрессии.

Ирфинг, проворно тыкая тонким пальчиком по сторонам, принялась рассказывать, попутно помогая соседке размещаться. Тетради и письменные принадлежности, выданные комендантом, заняли свое место на свободном столе. А в шкафу на длинной полке осталось вдоволь места для учебников. На небольшой тумбочке у подоконника стояла эдакая плоская магическая плита. А в самой тумбочке обнаружили неплохой запас разных печенюшек, мешочки с травяными сборами для заварки и немного посуды.

Постельное белье, совершенно обычное, белое, приятно пахнущее свежестью, девушки сноровисто застилали уже в четыре руки, попутно Янка, чей взгляд упал на опустевший мешок со склада осьминога, уточнила у Иоле:

— Слушай, а все-таки почему свои вещи надо куда-то сдавать для сохранности? Правда, что ли, испортиться могут — протухнуть, как рыба?

— Протухнуть не протухнут... но... — Соседка нахмурила брови, добросовестно припоминая подробности лекционного материала первого семестра: — Тут все дело в Игиде. Нет, не в ней самой, а во взвеси мельчайших частиц, постоянно пребывающих в воздухе. Они нейтральны только к здешнему миру. Студентов защищает магия академии, а на иномирные вещи защита не распространяется. Под воздействием всепроникающей пыли Игиды свойства материи изменяются, и в большинстве случаев не в лучшую сторону. Одежда расползается на клочки, цвет меняется, все покрывается пятнами, даже иной металл может сделаться хрупким, как скорлупа, или мягким, как глина. И чем дальше от спектрального цвета мира академии то пространство, откуда принесли предмет, тем скорее происходит порча. Поэтому лучше спрячь все, что хочешь сохранить, в мешок и отнеси коменданту. Ящики для сохранения защищены знаками самой Игиды, так что вещи не пропадут.

— Понятно, спасибо большое, — поблагодарила Янка лекторшу, сделав мысленную пометку: побыстрее умять все запасы, пока грибы вместе с банками не превратились в резину, а варенье в солидол или что похуже.

Землянка переделалась в синюю форму с зеленым кантом. Женский вариант состоял из блузки, жилетки и длинной, до середины икры, юбки. Переобулась в коричневые туфли-лодочки на низком каблуке. Попутно Янка удивилась, как точно подобрал размер осьминог-комендант. Все было впору и вполне удобно. Пригладила волосы и только теперь сообразила, что в число гигиенических принадлежностей, полученных от коменданта, никакого минимума косметики не входило. Наверное, желаемые мазилки следовало приобретать в лавке на подъемные средства.

— Ты чего? — чутко отреагировала на задумчивость соседки Иоле.

— Да вот про косметику думаю. Лак для ногтей, карандаш маскировочный, помаду или блеск в лавке можно купить? — поделилась сомнениями Янка.

— Кое-что можно, — осторожно ответила ифринг и явственно замялась.

— Что, дорого очень? — по-своему истолковала замешательство собеседница.

— Нн-нет, а зачем тебе косметика, ты же сейчас с чистым лицом? — неловко ушла от ответа Иоле.

— Чуток косметики есть. Блеск, чтобы губы не шелушились, прыщи пудрой замазаны, — честно перечислила землянка. — А ногти без лака жутко ломаются, потому бесцветным крашу. Я вообще мазаться не люблю. Времени жаль. Глаза не крашу, сразу от любых средств красными становятся, как у кролика, да и ресницы, если с тушью, вечно в глаза лезут, загигают, заразы, и моргать неудобно. Это уж совсем светлым блондинкам, у кого ни бровей, ни ресниц не видно, надо сильно пачкаться, а мне и так сойдет, пока молодая. Пусть не очень красивая, зато отмывать меньше приходится!

— А-а-а, — Иоле улыбнулась уже бодрее и полезла в свой шкаф, поясняя в процессе: — Здесь косметикой почти никто не пользуется. В АПП слишком много разных рас, потому надо соблюдать осторожность. Накрасишься как-нибудь не так, и кто-то может решить, что ты объявляешь кровную вражду, кто-то, что желаешь встретить пару или, — ифринг порозовела, — ищешь развлечений. Были прецеденты, теперь старосты в первый же день новичков предостерегают.

— Н-да, — хмыкнула Янка. — То-то я гляжу, у девчат здешних мордашки такие чистые. Думала, что они красотки, поэтому в косметике не нуждаются. А оно вот как...

— Еще и физкультура часто, а после нее все лучше смыть, чем с тем, что осталось, ходить, — заключила Иоле и выложила перед соседкой пяток вполне земных на вид «патронов» с почти бесцветной помадой. — Мне в лавке целый набор дали, возьми себе любые, не жалко.

— Спасибо большущее, свои люди, сочтемся, — выбрала самый нейтральный оттенок Янка и принялась кидать в мешок для коменданта оставшиеся земные шмотки. Даже часы с руки сняла. После короткого объяснения Иоле насчет «распада имущества» стало ясно, почему студентам на обзаведение хозяйством в обязательном порядке выделяются средства и выдается такой обширный минимум вещей. Проще позаботиться о новичках один раз, нежели постоянно устранять последствия использования личных предметов каждым, притащившим в общежитие кучу вещей. А так вся вина за порчу имущества ложится на плечи студента. Вещи пришли в негодность? Поделом, надевай форму и в следующий раз слушай мудрые советы преподавателей.

Янка мысленно улыбнулась, пытаясь вообразить, как скоро и во что преобразуется одежда Лиса. Мысленно она уже только так и называла Машьелиса. Хрупкий, блондинистый, трусоватый и шkodливый парень упорно ассоциировался у девушки с лисенком. Дракон он там или не дракон, а только Лис, и все тут.

Когда Стефаль с двумя парнями, из которых в форме оказался лишь Хаг, зашли за Янкой, та уже была готова. Иоле решила проводить новую подругу в библиотеку и заодно взять себе парочку справочников.

— Кстати, ты бы сдал вещи на хранение, — заботливо посоветовала Янка худосочному дракончику. — Иоле сказала, вещи могут очень быстро испортиться. Даже поносить не успеешь. Не жаль?

— Не-а, да не переживай, я и доставать-то все это не буду, а коль испортится, на каникулах бабушке непременно все верну, пусть поглядит — может, больше с собой ничего совать не станет, — отмахнулся Лис, по-видимому затюканный заботой старшей родственницы пополам с ее авторитетом куда больше, чем Янка всеми своими домочадцами.

Так что вещи в личные сейфы, расположенные где-то в глубинах комендантского подземелья, укладывали только Донская и Хаг.

А самым приятным сюрпризом оказалось местоположение библиотеки с огромным читальным залом. Если комнаты студентов Лапы располагались на втором этаже, то под царство книг был отведен весь первый этаж общежития. В первой Лапе имелся огромный читальный зал, во второй размещались редкие экземпляры, предназначенные лишь для чтения в этом зале, в третьей же располагалась, собственно, библиотека — высоченные ряды, целые лабиринты книжных шкафов и стойка выдачи литературы у входа. Там сидел силаторх.

— Комендант Олхрокх? — удивленно прогудел тролль.

— Библиотекарь Холоротх, — сварливо, похоже, этой отличительной чертой обладали все осьминоги, проскрипел силаторх.

— Новичкам блюстителям первого курса нужна подборка учебных материалов, библиотекарь, — вежливо и поспешно, пока никто из спутников не сморозил очередной глупости, вмешался Стефаль. А на ухо Хагу прошипел:

— Его нельзя обижать! Злопамятный — жуть, и с нашим комендантом в ссоре! Теперь продержит долго и выдаст самые старые книги, будешь три циклады извиняться, пока заменит!

— Предупреждать надо, — невозмутимо буркнул тролль, которого, похоже, было не прошибить ни насмешками, ни ожиданием, ни перспективой дрянных учебников.

— А тебе чего? — подтверждая слова эльфа о злопамятности, первым делом обратился силаторх к Иоле.

— Хотела хороший справочник по лекарственным растениям и расширенный по знакам. Подберете что-нибудь для второго курса, уважаемый библиотекарь Холоротх? — спросила девушка, виновато глянув на подружку.

— Будет, — не то хмыкнул, не то хрюкнул осьминог и уже привычно взлетел из кресла за стойкой.

Библиотекарь профланировал куда-то в дебри высоченных книжных шкафов, взмывающих почти к самому потолку. Лишь шелест страниц и стук корешков свидетельствовали о том, что силаторх улетел работать, а не гонять чай с вареньем и плюшками.

— Теперь надолго, — вздохнул староста и укоризненно покосился на тролля, разговорившегося не в добрую минуту. Тот просто пожал широкими плечами. Дескать, ну лоханулся, так с кем не бывает? Подождем!

— А силаторхи нашу еду едят? — тихо поинтересовалась Янка, склонившись к эльфу и стараясь, чтобы ее не услышал обидчивый осьминог.

Стефаль в очередной раз продемонстрировал резкую смену окраски кончиков ушей и столь же тихо ответил, слегка поморщившись:

— Едят. Очень любят соленое.

— А помидоры или огурцы едят? — уточнила девушка.

— Огурцы, — дал справку эльф.

— Тогда я скоро приду, — пообещала Яна и бочком, бочком (при ее комплекции двигаться изящно было затруднительно) попятилась к двери.

— Помочь? — добродушно поинтересовался Хаг.

— Не надо, — отмахнулась она. — Не переломлюсь. Я быстро!

Явилась землянка через шесть минут. Ровно столько ей потребовалось, чтобы подняться в комнату на второй этаж, забрать нужное и вернуться. Силаторх все еще шуршал и стучал где-то в глубинах библиотеки.

— Вот, — довольно отдуваясь, Янка бухнула на стойку трехлитровую банку с солеными огурчиками, сняла металлический зажим, потянула за язычок и не без усилия приподняла стеклянную крышку.

По библиотеке поплыл ни с чем не сравнимый запах бабушкиных солений, укропа, эстрагона, тмина и огуречного рассола. Хаг шумно сглотнул набежавшую слюну, а Лис и Стефаль синхронно сморщили носы. Крепкий аромат домашних заготовок вышибал дух!

— В библиотеке нельзя есть!!! — Над дальним шкафом приподнялась голова осьминога и негодуяще махнуло щупальце.

— Мы не едим, — чистосердечно отчиталась Янка. — Вот слышали, вы огурчики соленые любите, занесли баночку. Будете? А то мне самой никак столько не съесть.

— Огурчики? — В сердитом голосе поубавилось негодования.

— Трехлитровая банка. Мы с бабушкой сами растили — и огурцы в парнике, и приправы на огороде, сами засаливали, — продолжила соблазнять силаторха девушка, обстоятельно повествуя о технологическом процессе получения вкусного продукта.

— Сейчас. — Голова силаторха исчезла, и уже буквально через тридцать секунд перед каждым студентом возвышалась стопка новехоньких, словно только из типографии, книг. А трехлитровую банку огурчиков со стойки словно корова языком слизала.

— Вот, приложите номерок комнаты к формуляру и убирайтесь! — сварливо велел библиотекарь, которому, похоже, не терпелось остаться наедине с вождленным трофеем.

Четыре маленькие, с ладошку, зеленые книжицы шлепнулись рядом со стопками. Студенты полезли за ключами с бирками от комнат, оказывается, по совместительству являвшимися еще и личными печатями. Янка аккуратно приложила бирку к плотному картону пустого формуляра. Тотчас же на чистом листе возникли ее имя и данные: Донская Яна Ивановна, первый курс, факультет блюстителей пророчеств, шестая комната. Любопытства ради девушка заглянула внутрь формуляра. Там уже красовался четкий, словно отпечатанный на принтере, список взятых учебников. «Путевой лекарь. Лекарское дело. Первый курс», «Основы медитации — путь силы», «Расоведение», «Основные знаки Игиды. Справочник», «Риторика как искусство», «Основы Мироздания», «Пророчества:

классификация, особенности изречения и осуществления», «Основы и многообразие магии»... — какие-то названия выглядели странно, какие-то вполне знакомо. Но полистать книги, вникая в суть, можно было и позже, а пока Яну интересовала сама волшебная система заполнения формуляра.

«Какая удобная магия!» — успела подумать девушка, вспомнив, сколько приходилось стоять перед поселковой библиотечаршей, пока она занесет в компьютер и запишет вручную на карточке все взятые книги.

Выполнив распоряжение силаторха, студенты подхватили тяжелые стопки и вымелись за дверь, на которой словно по волшебству появилась знакомая каждому землянину надпись: «Технический перерыв».

— Янка! Я тебя люблю! — пылко признался Лис, облизывая взглядом новенькие томики учебников.

— Главное, что библиотечарь соленые огурцы любит, — добродушно улыбнулась девушка. — Спасибо за подсказку, Стефаль!

— Надо же, в первый раз такие новые учебники вижу, — покачал головой пораженный эльф, со смесью удивления и толикой зависти разглядывая корешки выданных книг. Он опять галантно забрал весь груз у девушки.

— А всего-то и надо было поднести осьминогу банку огурцов, — хихикнул Машьелис. — О чем ты, староста, узнал на пятом курсе академии.

— Да где бы я ему их нашел? — беспомощно пожал плечами эльф.

— Теперь знаешь где, — уже привычно пихнув в бок Янку, ослабил дракончик и получил в отместку шустрый подзатыльник.

— Если надо, у меня еще одна большая банка и пара двухлитровых есть, — щедро предложила землянка, разумно полагая, что продукты, пока не испортились, должны успеть принести максимальную пользу. — Бери!

— Нет-нет, но благодарю за щедрость, — смутился эльф и опять отвел взгляд, так и норовивший прилипнуть к персям Янки.

— Давайте-ка учебники отнесем и пойдем поедим, — одновременно с громким урчанием, раздавшимся из живота, предложил тролль.

Дуэт Хага и его желудка вызвал очередной смешок у Лиса, а вот Янкин живот решил голосовать за разумное предложение согласным бульком. Поддерживая организм, девушка энергично поддакнула:

— Не мешало бы пообедать! Заодно столовую посмотрим! Иоле, ты нас отведешь?

— Конечно, — радостно согласилась ифринг, истосковавшаяся по обществу.

Первым делом парни сгрузили книги в свою комнату. А Янка так и застыла у порога, окидывая взглядом просторное, как и у них с соседкой, но удивительно пустое и какое-то неустроенное помещение. Казалось бы, все тот же большой диван, два кресла, рабочие столы, шкаф, стулья и кровати, поставленные уголком, но уюта нет. Все познается в сравнении! Сейчас вот Янка в полной мере поняла, какое замечательное гнездышко умудрилась свить Иоле и как повезло ей, студентке Донской, когда осьминог выдал именно шестой номерок!

Компания занесла книги в комнаты, Янка прихватила баночку груздей, и студенты всей гурьбой отправились в столовую. Почему-то староста Стефаль тоже оказался в числе проголодавшихся, на чем никто заострять внимания не стал. Если пищу духовную студенты должны были принимать по месту проживания, то хлеб насущный выдавался в другом

здании, стоявшем как раз напротив главного входа в Лапу. Здание было круглым в периметре. Оно состояло из высоких каменных плит, чередующихся с прозрачными стеклянными панелями. На потолке в темное время зажигались лампы. Но обычно внутри кафетерия и без дополнительного освещения было светло.

В центре помещения виднелась круговая стойка, уставленная в три этажа судками и кастрюлями, а внутри ее, как в осажденной крепости, отбивался от голодных студиров половниками, лопаточками и ложками... силаторх.

«Как гигиенично, — одобрительно подумала Янка. — Никакие волосы в еду не падают за их полным отсутствием. И скорость обслуживания на высоте!»

В студенческой столовой, к примеру, девушку всегда раздражали работники общепита, трясущие над тарелками своими патлами. Отчего и так не особо вкусная пища становилась еще менее привлекательной.

Народу внутри хватало, но силаторх работал столь оперативно, что очередь умирала в зачатке, не успев народиться. Пройдя к стойке и вооружившись подносом, Янка на миг замерла, принявываясь к вполне соблазнительным ароматам, тогда как остальные уже вовсю забрасывали многорукого, то есть многощупальцевого, повара названиями выбранных блюд, или, не мудрствуя лукаво, как Хаг, просто тыкали в них пальцами.

— Чего будешь есть? — не слишком вежливо осведомился у Янки повелитель раздачи.

— Комплексный обед, хорошо бы с рыбой, остальное на ваш выбор, — определилась Донская, за что неожиданно удостоилась одобрительного взгляда выпуклых глаз силаторха и нового вопроса:

— Жидкое употребляешь?

— Суп люблю, — согласилась девушка и облизнула взглядом кастрюльку, из которой явственно тянуло хорошей ухой.

— Молодец! — похвалил повар и шустро нагрузил на поднос Янки большую тарелку с ухой, блюдец с горкой чего-то явно травянистого, вроде салата, поставил широкое блюдо с жареной рыбой и неожиданно фиолетовым гарниром к ней, а в довершение бухнул высокий стакан с чем-то зеленым.

— Спасибо, — поблагодарила Яна и пошла вместе с новыми друзьями к свободному столику на шесть персон. Стефалья, правда, пытались позвать к себе несколько девушек и даже парочка парней, но староста-эльф остался верен своим обязанностям. С вежливой полуулыбкой эльф игнорировал посторонние предложения.

Столовые приборы — ножи, четырехзубые вилки, ложки, как букеты, стояли на каждом столе в больших чашках в окружении лепестков-салфеток. Выловив ложку и выставив на стол банку обещанных грибов, проголодавшаяся землянка наперегонки с троллем, тоже попросившим ухи, приступила к оперативному уничтожению первого блюда.

Остальные тоже ели охотно, с удовольствием дегустировали бабулины грибочки, однако конкурировать с парой таких основательных едоков, как Хаг и Яна, не могли. Хотя Лис честно пытался. Как в щуплого парня влезает столько, сколько он притаранил на своем подносе, Донская могла только гадать. В конце концов, она решила, что все дело в расе соседа. Драконам положен драконий аппетит, на том землянка полностью успокоилась. И вообще. В чужой рот заглядывать невежливо!

— Это ж сколько она себе положила! — с соседнего стола, где сидели две стройные девушки, донеслось ядовитое шипение, претендующее на то, чтобы считаться шепотом, но шепотом такой нарочитой громкости, чтобы его было слышно как минимум половине

посетителей столовой. — Неужто все влезет?

— В такую толстомясую? Влезет! — столь же тихо ответила еще одна змейка.

Поскольку рядом с девицами сидели лишь Янка и Иоле, землянка совершенно справедливо решила, что поиздеваться хотят именно над ней. Однако злости не возникло. Ну да, фигуристая она, такая уж уродилась, что ж, из-за этого не кушать?

— Худая корова никогда не станет газелью, — громко констатировала Донская и, отодвинув опустевшую тарелку с ухой, потянулась ко второму блюду.

В ответ по столовой пронесся смех, переросший в громовой хохот, ерничающие соседки, резко отодвинув стулья, понеслись к выходу, шипя что-то об оскорблениях, которые смываются лишь кровью, и о скорой мести.

— Как ты их срезала! — рыдал от хохота Машьелис, прятала улыбку Иоле, подрагивали губы Стефалья, а Хаг одобрительно стучал по столу пудовым кулаком — так, что подпрыгивала и звенела посуда.

Янка в недоумении подняла взгляд от фиолетового пюре, весьма напоминавшего по вкусу картошку, и захлопала глазами.

Изящные витые рожки убегающих девиц, их негодующе хлещущие по ногам хвостики и оставленные на столе мисочки с салатом сказали ей больше всех прочих объяснений. Может, в силу флегматичного склада характера Яна и не соображала со скоростью холерика, но делать выводы на основе имеющихся фактов умела.

— Вообще-то я себя имела в виду, — несколько растерянно призналась девушка и вздохнула. — Меня еще бабушка от диет новомодных отговорила. Не та конституция, чтобы сидеть впроголодь. Неловко-то как получилось, надо будет перед девочками извиниться. Они небось себя ради красоты мучают, вот и позавидовали, когда я с аппетитом есть начала. Бедняжки!

— М-да, опустила и растерла, — хмыкнул Лис, гордясь Янкой.

Больше никто к обедающей группе не приставал и аппетит испортить не пытался. Когда все поели, Стефаль по обязанности куратора вежливо уточнил планы новеньких. Машьелис хотел прогуляться по территории академии, а Яна попросила для начала сходить в лавку.

— Стипендия руки жжет? — ухмыльнулся дракончик, подмигнув девушке. — Нам же вроде как все необходимое осьминог на складе выдал.

— Часы, чтобы на уроки не опаздывать, домашние тапочки, халат и пижаму не давал, — смущенно перечислила Янка. — Вам, парням, может, и все равно, а я не могу дома в уличной одежде ходить, и тем паче — спать. Так что вы, Лис, можете погулять, мне же в магазин надо.

— Как ты меня назвала? — не то удивился, не то оскорбился блондинчик.

— Кхм, извини, — смутилась девушка. Иоле и Стефаль пытались скрыть улыбки, а Хаг лыбился совершенно открыто, демонстрируя выступающие клыки. — Лис. Машьелис очень длинно, вот и сократила.

— А почему не Маш? — кажется, ничуть не обиделся парень.

— У нас это женское имя, — улыбнулась Янка. — А Лис... Ты ведь худой, юркий, остроносый, как лисенок, и имя на моем языке звучит похоже, вот и вырвалось. Цветом, правда, не очень похож. У нас лисы большей частью рыжие, реже черные. Зато... — Янка улыбнулась. — Есть редкий вид полярных лис — песец называется.

О том, что название хищной зверушки созвучно с ругательством и является символом больших неприятностей, девушка промолчала.

— Дракон по имени Лис, — покатал на языке прозвище Машьелис о Либеларо. Родословная у парня была длиннее хвоста той змеи, что, по мифам троллей, плавает в Великом Океане Миров, а бесконечные уроки грозной ба, заставляющей учить имена великих предков, сидели в печенках. — Знаешь, мне нравится! Друзья, зовите меня так!

— Лис — это звучит гордо, — хихикнула Янка.

— А то! — высокомерно поддакнул Машьелис о Либеларо, получивший прозвище на третьем часу студенческой жизни.

Сдав грязную посуду в окошко мойки, компания покинула столовую и направилась по маршруту, предложенному Яной Донской. По здравом размышлении приобрести домашнюю обувь и одежду решили все. Форма — она, конечно, штука хорошая, но круглые сутки ходить в форменном платье любому осточертеет! Это еще хорошо, что им, блюстителям, зеленый цвет, успокаивающий нервишки, достался, а не красный или желтый, как другим факультетам.

Лавка, где могли потратить подъемные и стипендию студенты АПП, располагалась рядом со столовой и общежитиями. Янка ожидала увидеть что-то вроде магазинчика с канцтоварами и мелочевкой, такого, какой был у нее на первом этаже института, с добавлением текстильной продукции, но ожидания опять не оправдались. И, пожалуй, опять в лучшую сторону.

Снаружи магазин для студентов казался именно лавкой с мелочевкой, но стоило войти внутрь, и взгляд терялся среди массивов многочисленных шкафов, шкафчиков, полок и вешалок.

— Чем могу помочь? — заботливо осведомились у посетителей из-за скопления вешалок слева.

Янка думала застать в огромном магазине еще одного силаторха, орудующего своими щупальцами с универсальной скоростью автомата, но увидела симпатичную низенькую толстушку в синем платье с аккуратной белой наколкой в копне рыжих кудряшек и в кружевном фартучке. Так могла бы выглядеть лучшая в мире няня — мечта дошкольника.

— Часы, тапочки, пижаму и халат — ей! — бойко выдал за притормозившую подружку Лис. Освоившись и убедившись, что в АПП ему ничего не грозит, парень стал натуральным нахалом. Янка только вздохнула. Она так быстро обычно не действовала. И в магазинах, да и на базаре, покупки никогда с ходу не делала. Сначала ходила, смотрела, приценивалась и, наконец, определившись с выбором, покупала. Все-таки белобрысый оказался слишком стремительным для флегматичной девушки.

— Часы какие? Одежду в каких тонах? — улыбнулась покупательнице толстушка. Ямочки заиграли на румяных щеках, затанцевали кудряшки.

— Часы — главное, чтобы надежные. Тапочки и халат желтые, а пижаму зеленую, — вздохнув еще разок, ответила Яна, — размер у меня... — начала она говорить, но ее опять никто не слушал.

Толстененькая тетенька расправила прозрачные крылышки за спиной и вспорхнула, устремившись куда-то вглубь помещения. Причем Янка готова была поклясться, летела она сквозь шкафы и вещи.

— Она что, привидение? — заметил странность перемещения тетеньки Хаг и уточнил у Стефаля.

— Нет, она феера, — пожал плечами эльф. — Сильфида пространств и желаний! Никто другой с магазином в АПП не управился бы! Так с материей работать только они могут. Для

каждой группы клиентов создавать свой вариант магазина и одновременно обслуживать, угадывая самое необходимое.

— То-то я смотрю, мы тут одни, — почесал затылок тролль и выдал на удивление философскую для туповатого на вид здоровяка сентенцию: — Чего только в мирах не бывает, каких только созданий не встретишь!

— Это АПП, — коротко ответил Стефаль, будто своими словами дал исчерпывающее объяснение всему происходящему.

— Вот, милочка, погляди! Подходит? — Кудрявая и крылатая толстушка материализовалась у прилавка с кулоном-часами на тонком плетеном шнурке, желтыми пушистыми тапочками без задников, столь же ярким халатом на вешалке и зеленой, как молодая травка, широкой пижамой. К этим нужным вещичкам прилагались несколько комплектов белья и прокладки. Янка мысленно поблагодарила фееру и дала себе щелбан за оплошность. Хороша бы она была без всех этих совершенно необходимых вещей!

— Да, — только и осталось сказать Яне. — Сколько с меня?

— Три золотых и пять серебряных листочков за все, — снова улыбнулась феера, не озвучивая перечень предложенного товара.

В стоимость покупки заботливая толстушка включила все, в чем нуждалась покупательница, и благоразумно не стала поднимать щекотливый вопрос комплектации в присутствии парней.

Чем именно придется расплачиваться, девушка не очень представляла, так же, как не знала, стоит ли торговаться, как на базаре, или нужно оплачивать покупки, как в обычном магазине. Но поскольку торговаться Яна никогда не любила, слишком этот процесс напоминал ей ссору, она молча развязала завязку на кошельке и высыпала на ладонь несколько монеток. Сразу стало понятно, о каких листочках говорила продавщица. Монетки, выданные студентам в качестве подъемных, не были привычными кругляшами, а имели овальную форму листа. Чем-то желтые монетки (неужто и впрямь настоящее золото?) напоминали те самые листики, за которыми то и дело лазил в сумочку, чтобы превратить в порошок, декан Гад.

Вот только серебряных листиков на ладошке у Яны не было. Девушка не поленилась заглянуть в кошелек и убедиться: там остались только желтые монеты. Спрашивать о соотношении курса золотого листочка к серебряному почему-то было неловко, поэтому, понадеявшись на то, что в одном желтом листике точно больше, чем пять серебряных, землянка протянула феере четыре золотых монеты. Пухленькая продавщица одарила покупательницу еще одной добродушной улыбкой, сложила все покупки в большой бумажный мешок и отсчитала десять серебряных листочков сдачи из кармашка передника.

«Значит, в одном золотом листике пятнадцать серебряных», — мысленно поставила галочку Янка, принимая покупки и аккуратно ссыпая сдачу в кармашек формы. В мешок не стала класть специально, чтобы не вылавливать потом серебряные листики среди золотых. А часы, с виду самые обычные, каких и в земных магазинах тысячи — циферблат с черточками да две стрелки, — девушка сразу повесила на шею. Заводить не пришлось, тикали.

— А вам, студенты, ничего не требуется? — склонила голову набок феера, окидывая Иоле, Лиса, Хага и Стефаля взыскующим взором. Иоле сразу покачала головой.

— Мм, пожалуй, тетрадь на двести листов для записей, — припомнил Стефаль и тронул щеку.

Лис же, лукаво посверкивая глазами, спросил:

— А у вас такие же тапочки, как для Яны принесли, есть? Хочу! Только красные!

— Найдем, — пообещала толстушка, не пряча улыбки.

— Ковер на пол у кровати хочу. Не лесное озеро, как у девушек, а море с чайками, — подумав, выпалил Хаг и почему-то потупился и позеленел. — Есть у вас?

— Найдем, — снова повторила с улыбкой феера, и за обычной вежливостью продавца на ее лице мелькнуло истинное одобрение того, что кто-то пожелал воплотить в жизнь кусочек собственной мечты.

— О-о-о, да ты романтик, тролль! — удивился Лис.

— Не люблю босыми пятками на холодный пол вставать, — неловко оправдался Хаг, ну да сосед не стал его больше подкалывать, потому что вернулась, будто и не улетала никуда, хозяйка магазина и выгрузила запрошенные товары перед покупателями.

Красно-черные тапки Машьелис сгреб с урчанием и прижал к груди как великое сокровище. Наверное, ему тоже не улыбалось топтать босиком по холодному полу, а строгой бабули для закаливания внучка трудностями под боком не оказалось. Большие руки тролля, разворачивающего скатку ковра, едва заметно подрагивали, а из глотки вырвался восхищенный рык, тогда Хаг увидел тканое великолепие сине-фиолетового бушующего моря и парящих над волнами чаек.

— Берете? — утвердительно уточнила феера и назвала цену.

Громадная тетрадка с замком и на кольцах стоила четверть серебряной монеты, тапочки половину золотого, а за шикарный ковер с тролля запросили всего одну золотую монетку. Соотношением цен заинтересовался Лис, чья драконья сущность не давала проигнорировать такую странность.

Крылатая хозяйка глянула на Машьелиса и загадочно ответила:

— Исполнение мечты всегда важнее прихоти.

И что-то такое было в ее интонации, что готовый возражать дракончик захлопнул рот, молча заплатил за тапки и так же молча вышел из магазина. Довольный Хаг, взваливший ковер на плечо, и все прочие последовали за ним.

До вечера компания еще побродила по территории, но не всей толпой, а разделившись. Иоле рассказывала Яне об академии, а с парнями вел общеобразовательные беседы Стефаль. Время от времени староста замолкал и о чем-то тихо вздыхал, но ни Хаг, ни Лис, переполненные впечатлениями от экскурсии, расспрашивать о причинах огорчений эльфа не спешили.

Тихий мирный вечер Яны, проводимый за разглядыванием новых учебников и беседой с Иоле, нарушил громкий стук в дверь. Девушки переглянулись и пошли открывать вместе. Иоле привыкла открывать сама, а Янка полагала, что это решили заглянуть на огонек тролль с драконом.

Но в коридоре стояли совсем не собратья-студенты, а уже знакомый тип в черной мантии. Стоял и нетерпеливо притопывал ногой. Стоило девушкам открыть, как послышалось требование:

— Мое варенье, студентка Донцова!

— Сейчас, — невольно заулыбалась Яна несоответствию строгого вида декана и его желания заполучить банки с земляничным лакомством, выторгованным в обмен за помощь с доставкой продукта.

Яна вовсе не собиралась зажимать варенье. Она даже оставила банки в сумке, которую и вручила преподавателю с пожеланием:

— Кушайте на здоровье!

— Непременно, — пообещал Гад и удалился с на удивление умиротворенно-мечтательной улыбкой на лице.

— Первый раз его таким довольным вижу, — почему-то шепотом поделилась Иоле с новой подругой.

— Вареньем земляничным надо чаще кормить, — выдала рецепт Янка и зевнула столь заразительно, что соседка подхватила зевок.

А через полчаса девушки уже спали, пожелав друг другу сладких снов. Вот только землянке совершенно ничего не снилось, или она совсем не запомнила сновидений. Слишком много всего случилось в реальности, чтобы еще и во сне переживать приключения.

Глава 5

Обещанная экскурсия

Разбудил студенток пронзительный и противный, как зубная боль, звук трубы. Все, как и обещали неумолимые декан с ректором: проштрафившийся студент играл побудку, навлекая на свою голову ненависть всех обитателей Лапы.

Янка застонала и попыталась спрятать голову под подушку, но звук тише не стал. Кажется, труба играла не где-то во дворе или коридоре, а прямо в голове. Издав еще по паре синхронных стонов, девушки встали. А условно-музыкальный инструмент, одарив их напоследок еще одним туше и душераздирающим пассажем, наконец смолк, позволив начать утро, не трясаясь и не кривясь от уникальных по своей отвратительности звуков.

— Скорей бы уж ваш колокол починили, — в сердцах пожелала Янка, раздирая свалявшиеся за ночь вьющиеся волосы и пытаясь соорудить из них подобие аккуратной косы. Получалось плохо, упрямые завитки лезли всюду и никак не желали заплетаться. Порой девушка очень завидовала овечкам, которых стригли под машинку, избавляя разом от всех проблем с жарким кудрявым непотребством.

— Знаешь, я весь год думала, что хуже утреннего колокола ничего быть не может, как же я ошибалась, — нахмурила тонкие бровки Иоле и потеряла виски.

— Ага, это как в анекдоте про пессимиста и оптимиста, — кисло согласилась землянка и в ответ на непонимающий взгляд новой подруги поведала ей сакраментальную шутку:

— Пессимист обреченно вздыхает: «Хуже уже не будет». Оптимист радостно возражает: «Нет, будет, будет!»

Иоле прыснула в ладошку и стала одеваться веселее. Улыбнулась, наконец совладав с непослушными волосами, и Яна. Стоило поспешить на завтрак, а потом на занятия. Опаздывать в первый день — не лучший способ произвести благоприятное впечатление на преподавателей.

Вчера девушка не только гуляла по территории и знакомилась с расположением корпусов, она еще посмотрела и переписала в тетрадку расписание на доске в общей гостиной. Первыми для первокурсников стояли традиционная вводная лекция и экскурсия с грозной пометкой: «Посещение обязательно». Соседка в ответ на вопрос Яны, с чего такая строгость, только загадочно улыбнулась и пообещала, что будет интересно и жалеть не придется.

На обещанную лекцию в третий учебный корпус сразу после завтрака из вполне заурядной яичницы с беконом и чего-то вроде синего кофе двинулись всей вчерашней компанией. Аудитория, отведенная для вводного занятия, оказалась поистине огромной. Первокурсники со всех трех факультетов, человек пятьдесят, не меньше, смотрелись на этих просторах жалкой кучкой мурашей. Впрочем, студенты не унывали. Они переглядывались, перемигивались, пересмеивались и начинали понемногу знакомиться.

Яна и Хаг с Лисом устроились примерно посередине огромного лектория, похожего на половинку цирка, с той лишь разницей, что вместо кресел тут были лавки с тонкими подушечками, а за арену могла сойти небольшая сцена с высокой трибуной в правом углу.

Ровный гул в помещении стоял ровно до того момента, пока на трибуну не взойшла ректор Шаортан. Дракесса в роскошной фиолетовой мантии обвела лекторий внимательным

взглядом чуть прищуренных глаз с вертикальными зрачками, и шум смолк.

— Рада приветствовать всех вас, господа студенты нашей Академии пророчеств и предсказаний! — начала женщина. — Традиционно напоминаю о том, что в нашей академии нет неважных предметов или факультетов, всё важно, всё нужно, все и всё взаимосвязано! Без предсказателей нет пророчеств, без летописцев нет указания на место, время и суть пророчества, без блюстителей нет возможности для вариативного и истинного осуществления сужденного и предсказанного! Я говорю это, и знающие соглашаются со мной! А не ведающим еще предстоит убедиться в истинности моих слов! Внимайте же!

И ректор хорошо поставленным голосом продолжила лекцию, четко, кратко и в то же время живо раскрывая суть озвученных ею вначале постулатов. Шаортан говорила о том, что радуга миров, раскинувшаяся во вселенной, бесконечна в своем многообразии, академия же, воздвигнутая в незапамятные времена на костях титанов-предсказателей среди корней первого Древа Миров — великой Игидрейгсиль, породившей и сам мир Игиды, — предназначена для того, чтобы сияние радуги миров не померкло до срока.

Миры, близкие в своем сиянии к Игиде, легки для предсказаний и влияния, но чем меньше цвет мира походит на сияние мира Первого Древа, тем сложнее влиять на него, видеть его события и вносить коррективы.

На факультете пророков студенты учатся настраивать сознание на вибрацию сфер, подбирают наилучший для себя способ и систему предсказания. Там озвучиваются истинные пророчества. Предсказатели предрекают то, что должно произойти в мирах, ради их гармоничного развития.

Предназначение летописцев — записать пророчество, изреченное и воплощенное. Талант летописцев помогает установить суть, мир и срок изреченного пророчества.

Блюстителю же наблюдают и, коль есть на то нужда, помогают осуществляться пророчествам, используя листья великих деревьев.

Янка слушала и гадала, куда же девалось то самое первое дерево? Умерло от старости или его срубили какие-нибудь черные маги-лесорубы?

«Давайте же возрм и отдадим дань уважения Игиде, на ветвях которой держится гармония мира!» — такими словами, опровергающими версию Янки о кончине Игидрейгсиль под топорами браконьеров-древорубов, закончила вводную часть лекции ректор. Она повела рукой, словно отодвигала кулису за своей спиной.

И ведь действительно отодвинула! Стена исчезла, открыв высоченную арку большого прохода. Ступени широкой лестницы, по которой бок о бок могли бы, не теснясь, идти сразу человек пять, уходили вниз, золотистый свет лился оттуда, но никаких ламп Янка не увидела. Свет просто тек, как патока, густой и плотный, совсем не похожий на тот, что давали обычные лампы, да и на необычный — вроде света шаров в общежитии — он тоже не походил.

Яна покосилась на сидящих рядом парней и удивилась выражению торжественного предвкушения на их лицах. Похоже, они о происходящем знали несколько больше землянки. А ректор Шаортан между тем скомандовала:

— Первый курс, блюстителю — за мной, следом летописцы, за ними предсказатели. Предупреждаю, в саду должно быть тихо! Нарушивший правила будет драить лестницы в Башне Судьбы до конца семестра!

Куда идем и в какой сад — из-за приказа о соблюдении тишины Яна переспрашивать не стала. Мыть лестницу ей было совершенно неохота. Потому девушка послушно

присоединилась к Лису и Хагу, спускавшимся вниз, к лестнице, вместе с другими первокурсниками-блюстителем, среди которых, как удалось разглядеть, находились парни и девушки разных рас. Исполненная гордого достоинства ректор ожидала студентов на первой из ступенек пологой лестницы, возникшей в лектории как по волшебству. Ступеней было много, и уходили они вниз настолько далеко, что разглядеть конец пути не получалось.

Крупный парень-блюститель с большим горбатым носом, сросшимися бровями и желтыми глазами с вертикальными зрачками выдохнул:

— Вэй-хо, вот и первое чудо!

— Тихо ты, Авзугар, сказали ж, — шикнула на него толстощекая, лупоглазая и настолько низенькая, что казалась почти квадратной, девушка с аккуратными локонами и опасно покосилась на дракессу.

— Да я ж тихо, Тита, — извиняясь, шепнул горбоносый однокурснице.

Каменная лестница, серые каменные стены, сложенные из больших блоков, из звуков — осторожные шаги, шорох одежд и дыхание студентов — вот и все разнообразие впечатлений от спуска, длившегося, по ощущениям Янки, не меньше семи минут. Что удивительно, никто рекомендованной ректором тишины не нарушал. Здесь и сейчас почему-то не хотелось шуметь, а душу переполняло удивительное чувство свидания с Чудом. Именно так — с большой буквы.

Золотого света становилось все больше, казалось, лестница и студенты плывут в сияющем киселе, как угодившие в жидкость мухи. Янка мельком подумала, что здесь и заблудиться можно, если лестница, не дай бог, с ответвлениями. Однако лапа Хага подхватила замешкавшуюся девушку под локоть, а пальцы другой руки сжала чуть влажная ладонь Лиса. Похоже, дракончику было несколько не по себе под землей и в таком густом свете, мешающем ориентироваться в пространстве.

Но все имеет свойство заканчиваться. Представлявшийся бесконечным спуск тоже кончился, лестница раскрылась пещерой, настолько огромной, что стены и потолок терялись в потоках света. И пещера эта не была пуста. Все ее пространство занимал диковинный сад. Здесь высились величественные, громадные, как корабельные сосны, лиственные деревья, не похожие ни на какие из виденных Янкой прежде. Во всяком случае, в реальности. Что-то подобное девушка встречала на обложке книги, которую мельком видела у Степки. Кажется, книга та носила заковыристое название, походившее на упражнения для дикторов — «Сильмар...» чего-то там.

Деревья-гиганты имели золотые стволы, на которых замысловатым узором выступали серебряные прожилки, а вверху простирались густые бело-золотые кроны. В них одновременно шумели продолговатые листики, благоухали кисти прозрачно-белых округлых цветов и зрели крупные, с хороший гранат или даже больше, золотые плоды. Каждое из деревьев огромного сада, если представить его в белом камне, в точности соответствовало скульптурному изображению Игидрейгсиль, установленному в АПП.

Оправдывая Янкино предположение, ректор негромко промолвила:

— Вот они, отпрыски великой Игидрейгсиль — деревья Игиды! Сердце и суть нашей академии, то, без чего ее воздвижение не имело бы смысла!

— Глянь, тут еще и статуя! — едва слышно шепнул Лис, толкнул Янку в бок и мотнул головой в сторону ближайшего дерева.

Под ним и впрямь стояла статуя из какого-то серовато-оливкового материала, изображающая глубоко задумавшегося человека в широком плаще. Вот только вместо

нормального носа у зелененькой скульптуры был почти свиный пяточок. Как раз в момент тычка «статуя» открыла глаза и пошевелилась. Машьелис совершенно по-девчоночьи взвизгнул и шмыгнул за широкую спину Хага, который тихо рыкнул:

— Дурень, это ж дриадан!

— Тишина в саду! — строго напомнила ректор, смерив дракончика неодобрительным взглядом, обещавшим много-много пыльных лестниц для усердных упражнений с тряпкой. — Плодородных дней, Хранитель Тэйв!

— Ректор, студенты, — прошелестела статуя, оказавшаяся совсем не статуей, и забавно хрюкнула носом. — Плодородных дней. Пришли поклониться детям Игидрейгсиль?

— Да, Хранитель. Вы покажете нам сад?

— Не сходите с дорожек, — вместо ответа велел зелененький тип и пошел вперед, вдоль довольно широкой, рассчитанной человека на три, дорожки, убегающей вглубь диковинного сада. Ни одна оливково-серая, для контраста с золотым великолепием деревьев, травинка не примялась от поступи Хранителя.

— Вот оно — сердце академии, — негромко продолжила рассказ Шаортан. — Именно благодаря листьям, цветам и плодам поросли Игидрейгсиль, именуемым «Игиды», существует наша Академия пророчеств и предсказаний!

Янка озадаченно моргнула: почему это? Может, академия приторговывает продуктами сада и тем живет? Но тогда к чему столь сильное благоговение? К счастью, долго мучиться в поисках отгадки никому из студентов не пришлось.

Шаортан и Хранитель Тэйв привели студентов к месту, где дорожка расширялась полумесяцем площадки, на которой разместились все экскурсанты. Дракесса протянула руку к ветке, низко клонящейся над дорожкой, и сорвала прозрачно-белый шарик-цветок. Сейчас этот шарик, по мнению Янки, больше всего походил на мячик-прыгун из магазинного автомата, из тех, стоимостью по десятке, которыми одно время играли маленькие ребятишки в поселке.

— Это — цветок Игиды, способный вобрать в себя изреченное пророчество и хранить до той поры, пока летописец не перенесет его на свиток. Пророки и предсказатели! С этого дня и далее вас будут учить погружаться в медитацию, открывать себя великому сиянию радуги миров и озвучивать пророчества, в которых нуждается вселенная. Каждый из вас постоянно будет носить при себе цветы Игиды. Если пророчество изречено полностью, цветок примет золотой оттенок. Чем правильнее вы сформулируете воспринятое, тем ярче будет сияние.

«Индикатор. Понятно, что ничего не понятно», — хмыкнула про себя Янка, от всей души порадовавшись тому, что вчера арка не зачислила ее в пророки. Озадаченные и растерянные физиономии студентов в форме с красной каемкой подтверждали тайную радость девушки и будили искреннее сочувствие к невезучим бедолагам.

— Летописцы, для вас Игиды даруют свои плоды! — Шаортан просительно глянула на зрителя. Тот кивнул, погладил ствол дерева и, протянув руку, легко сорвал большой, с пару апельсинов, золотой шар, ничуть не похожий на съедобный плод. Скорее, он напоминал гадальные шары из оккультных магазинчиков. — Использовать их вы научитесь на занятиях в этом году.

Донская в очередной раз порадовалась тому, что не носит форму с желтой каемкой, и начала терзаться недобрыми предчувствиями насчет участи, уготованной Игидрейгсиль и ректором для тех, на чьей форме красовался зеленый кант. Разумеется, все недобрые

ожидания тут же сбылись.

— Листва Игиды, — торжественно промолвила дракесса, — есть великое средоточие знаков! Учиться читать, познавать и использовать их в мирах все вы будете в академии! Блюстителю же займется изучением знаков детальней, чем студенты иных факультетов. От применения знаков Игиды зачастую зависит воплощение пророчеств в мирах!

«Что же мы будем делать с листьями? Курить, как коноплю, чтобы распознать какие-то знаки?» — в очередной раз запуталась в рассказе ректора землянка и со вздохом запрокинула голову, разглядывая крону невозмутимо шелестящего дерева. Запрокинула и замерла, потому что на отдельных листьях, столь похожих по форме на пластинки, которые доставал из мешочка на поясе Гад, ей почудились крохотные, разнообразные, переливающиеся серебром закорючки. Они словно плясали на листиках, отпечатывались на сетчатке глаз и звенели в голове. Янка аж зажмурилась и замотала головой.

— Ты тоже их видишь? — шепнул на ухо девушке Лис.

— Кого? — тем же едва слышным шепотом уточнила Янка.

— Символы на листьях или у меня мельтешение в глазах от недосыпа? — уточнил вопрос блондинчик.

— Что-то вижу, кажется, — с облегчением из разряда «не я одна тут сумасшедшая» призналась девушка.

— Хранители сада, а также направленные им на помощь студенты-старшекурсники собирают листья, плоды и цветы Игиды, благодаря коим нам даруется сила нести предсказания в миры, — торжественно заключила Шаортан свою малопонятную речь. — А теперь я обращаюсь с просьбой к детям Игидрейгсиль, произрастающим на корнях Великого Древа! Властью и долгом ректора Академии пророчеств и предсказаний, Силой Судьбы, воплощенной в знаках Древа и Нитях Мироздания, взываю и прошу о покровительстве для студентов!

— Свидетельствую! — подхватил Хранитель Тэйв самым торжественным тоном, и его лицо с пяточком сейчас ничуть не казалось комичным.

Голос ректора заполнил собой все пространство и зазвенел под невидимыми сводами пещеры. В ответ послышался нарастающий шум — не то шелест, не то стук, не то одобрительный шепот — и по саду пронесся ветер. Он подхватывал с ветвей маленькие листочки, собирал в вихрь и гнал на студентов. Вот золотисто-серое облако накрыло всех ребят и рассеялось. Когда Янка проморгалась, только удивленно ахнула. Впрочем, не она одна. На жилетке у девушки, как и у каждого из первокурсников, теперь красовался маленький серебристый листик со знаком курса и факультета. Донская удостоилась циферки один и аббревиатуры «БП». Аналогичные значки украсили жилеты Хага и Лиса.

— Вот теперь вы с полным правом можете именоваться студентами АПП и в случае необходимости пользоваться гонгом зова, расположенным в каждом здании! О правилах его использования вам расскажут чуть позже, — порадовала общественность очередным загадочным сообщением ректор и предложила: — А сейчас мы покинем сад, где произрастают дети Игидрейгсиль, и вернемся в лекторий. Там для вас состоится демонстрация! Ибо, господа студенты, лучше увидеть и почувствовать один раз, чем выслушать тысячу и одно объяснение!

«Да-да, — мысленно согласилась Яна, — лучше один раз увидеть, чем тысячу раз услышать. Может, после обещанной демонстрации мне станет более понятно, чему вообще, как и зачем будут учить в этой странной академии».

Девушка еще разок мысленно вздохнула, на миг прикрыла глаза и почувствовала, как что-то коснулось ее носа. Машинально поднеся руку к лицу, Янка поймала в ладонь кожистый лист золотого дерева, ничуть не похожий на серебристый значок, занявший место на жилетке. На ощупь лист походил на листок яблони или груши. Так в первый миг показалось студентке, но буквально через несколько секунд живой, светло-светло-желтый, казавшийся почти белым листик застыл в ладони слюдяной пластинкой. Он больше не являлся живым, скорее, холодил пальцы, как камешек. На светлой, теперь уже ставшей окончательно белой пластинке проступала занятная завитушка.

— Знак ЕЗУ, — хрюкнул совсем рядом с Яной подошедший Хранитель. — Знак судьбы. Древо Игиды, должно быть, ответило на твой вопрос. Повезло!

— Но я ничего не спрашивала, — пожалала плечами растерявшаяся девушка.

— Вспомни, о чем думала, — просветил студентку местный садовник и неспешно двинулся куда-то в глубины сада.

— О том, чему и зачем тут будут учить, — растерянно прошептала девушка.

— Вот за твои раздумья ты по носу от судьбы и получила, — ухмыльнулся Хаг.

— Тогда хорошо еще, что листиком, а не плодом, — откликнулась Янка и, крутя в пальцах пластину с закорючкой, похожей на овальный клубок, неуверенно спросила у ректора: — Что мне с ним делать?

— Храни как талисман. Игидрейгсиль не часто одаряет новичков, тебе повезло, — поощрительно улыбнулась Шаортан.

— Почему же ей подарок сунула? — шепнул с явственной завистью кто-то из толпы.

— Иной раз судьба делает подарки просто так и очень не любит тех, кто завидует, — строго ответила дракесса, услышав этот комментарий.

— Значит, просто повезло, — согласилась Яна, не зная, куда положить этот самый дар судьбы, и на всякий случай спрятала его в карман жилетки. Помня о том, насколько хрупки эти листики со значками, девушка решила для пущей сохранности спрятать подарок в какой-нибудь учебник, заложив между страницами, если, конечно, бедный листик доживет до этого момента.

Толпа студентов, то ли возглавляемая, то ли конвоируемая ректором и Хранителем Тэйвом, побродила по саду еще несколько минут, благоговейно взирая на основу основ академии, о которой до сегодняшнего дня не слышала ничего, кроме обрывков таинственных легенд и еще более диковинных сплетен. Густой золотой свет уже стал привычным, и Янка начала любоваться экзотическими растениями. Эндемиками, как догадывалась девушка.

Вдруг слева раздались оглушительный хруст яичной скорлупы и испуганный сдавленный возглас «уйкс!». На траву рядом с дорожкой ступил студент-пророк, судя по красной кайме на форме, он же был источником крика, а хрустела трава. Она буквально раскрошилась под ногой-копытом «оступника» — так мелко, будто была не растением, а хрустящим печеньем. Практически в тот же миг, когда пострадавшая трава хрустнула, обращаясь в труху, с дерева сорвался шарообразный плод Игиды и приложил студента-вредителя по маковке. «Уйкс!» тут же стал болезненным «ой-ой-ейксом!».

— Вернитесь на дорожку, студент! — рассерженной змеей зашипела дракесса.

— М-м-меня толкнули, — буквально впрыгивая в толпу, то ли пожаловался, то ли оправдался козлоногий растяпа и пряданул развесистыми ушами.

— Это не имеет значения, сходить с дорожек нельзя, если, конечно, вы не задумали провести весь семестр в лечебнице. Дети Игидрейгсиль не терпят бесцеремонных

вторжений и защищают себя. Лишь Хранители и те, за кого Хранитель поручится перед садом, могут свободно ходить меж деревьев.

— М-м-мне все понятно, — жалобно мемекнул нарушитель правил, потирая голову и болезненно морщась.

Хранитель, смерив негодника неодобрительным взглядом, молча поднял с травы откатившийся плод и спрятал в складках своего плаща, внешне напоминающего кору. Никаких выпуклостей на ткани, свидетельствующих о месте хранения шара, не появилось. Наверное, плащ, как и многое другое в академии, был магическим.

— А для закрепления усвоенного вас, студент, ждут сегодня вечером, после лекций, в Башне Судьбы — для мытья пяти лестничных пролетов! — сурово заключила Шаортан.

— Суровая система упражнений, — передернуло Лиса.

Янка только неопределенно пожала плечами, не спеша соглашаться с приятелем. Что какие-то пять жалких пролетов лестницы для простой девушки из поселка? Сколько она их, этих пролетов, за свою жизнь в доме перемыла! Дежурство по лестничным клеткам у жильцов дома было регулярным. Свою часть ступенек подметала даже восьмидесятилетняя баба Шура, никому не уступая очереди и ругаясь с желающими помочь ей ретивыми молодками, в каковые бабушка записывала всех моложе шестидесяти.

Больше никто травы не мял, и ничего волшебного в Саду Игиды не происходило. В лекторий студенты возвращались тем же путем, которым пришли — ножками, вверх, почти на ощупь, потому что золотой свет по мере удаления от сада становился все тусклее. И вот первокурсники всех трех факультетов снова расселись в зале.

Глава 6

Демонстрация и последствия одного хулиганства

Шаортан повела рукой, превращая арку прохода в глухую монолитную стену. Дорога в чудесный сад закрылась. Ректор обвела взглядом студентов, будто считала их по головам, проверяя, не остался ли кто под землей среди деревьев, объявила:

— Дальнейшее можете считать вводной лекцией для всех курсов по профилирующему предмету. Соответственно для каждого из факультетов это будут: особенности предсказаний, техника летописи и закономерности коррекции пророчеств. Где чей курс, — позволила себе легкую полуулыбку дракесса, — думаю, рассказывать не надо.

Народ защелкал замочками сумок, зашуршал тетрадами, а ректор позвала:

— Студентка Циреция, позвольте пригласить вас для демонстрации первокурсникам процесса прорицания!

Из-за стола в первом ряду поднялась светловолосая девушка в форме с красным кантом прорицательницы и значком третьекурсницы. А вот почему до этого момента никто из первокурсников не замечал ее присутствия, об этом Янка хорошенько задуматься не успела. (Небось опять какая-то местная магия сработала!)

Девушка-пророчица заправила прядь распущенных волос за ушко с забавной бежевой пушистой кисточкой на конце, улыбнулась куда-то в пространство и просеменила к кафедре. Там стоял самый обычный стул. Блондинка присела на него и достала из кармашка формы пять разноцветных шариков. Еще раз улыбнулась и, откинувшись на спинку стула, стала перебирать шарики в горсти, действуя одной рукой. Взгляд ее по-прежнему был несколько расфокусированным.

— У каждого предсказателя свой способ погружения в медитативное состояние, раскрывающее пророческий дар. Кто-то вдыхает аромат любимого цветка, кто-то разглядывает чайники в чашке, кто-то вглядывается в зеркало или глубины хрустального шара, раскладывает карты, кидает кости или камешки, просто гуляет, следит за облаками или бегущей водой. Путей для подготовки к изречению предсказания или пророчества множество, но один ключевой момент в любом процессе присутствует.

— А чем отличается предсказание от пророчества? — махнув в воздухе растопыренной пятерней и дождавшись кивка ректора, спросила с места симпатичная девочка с темно-серыми умными глазами, прячущимися в невероятной густоты ресницах. Вот у нее волосы в отличие от землянки Донской не клубились над головой сумасшедшей тучкой, а лежали ровными аккуратными волнами.

Янка отметила зеленую кайму на форме. Значит, эта умница с ее курса. Может, списать когда-нибудь даст, если припечет.

— Пророчества и предсказания — феномены одного порядка, но разные по уровню: пророчество выше по источнику и по масштабности событий, — дала загадочный ответ ректор и собралась было продолжить умные речи, но вдруг расслабленно постукивающая шариками Циреция заговорила. В такт ее словам начал мигать желтым светом один из шариков, в котором Янка с запозданием узнала цветок дерева Игиды.

Циреция шептала, но шепот ее был слышен в каждом уголке замершего в предвкушении чуда лектория:

— *Средь тех, кто отмечен Древом,*

чьи нити прялка свила... — Провидица споткнулась, неуверенно шепнула: — Прости?

Шарик не отозвался яркой вспышкой, провидица поспешно заменила слово:

— *Ищи у друзей ответа...*

И свет снова засиял в прежнем ритме, совпадающем с ритмом речи бойко заговорившей Циреции:

— *Им знак Судьба подала!*

Спасение АПП в их силах.

Пусть новый соткется узор,

Любовь пусть камень заменит,

Двух душ прозвучит разговор...

Шарик вспыхнул как золотое солнышко и не погас. Циреция осторожно отложила его на край стола и расслабленно откинулась на спинку стула. Привычно ссыпала остальные камешки в мешочек на поясе и, нашарив там же маленькую фляжку, открутила крышку. Жадно присосалась к горлышку.

— Хм, очень интересное пророчество, — откашлявшись, заговорила ректор, не давая гримаске хмурой озадаченности, мелькнувшей было на лице, занять там прочную позицию. — Вы, первокурсники, имели возможность наблюдать за процессом медитации и изречения пророчества, а также за компенсаторной паузой, позволяющей провидцу восстановить силы. Восстановление, замечу, у каждого — процесс индивидуальный. Кто-то нуждается в питье, кто-то в еде, есть те, кому требуется сон или нечто более экзотическое. Ваши особенности, прорицатели, вы определите вместе с преподавателями и, если желаете сохранить дар и здоровье, строго следуйте рекомендациям, данным мастерами.

— А о чем пророчество-то было? — выкрикнул с задних рядов какой-то пацан.

— Толкование и координация пророчеств — забота факультета блюстителей. Могу лишь сказать, что загадка и угроза — обычные составляющие большинства пророчеств и драматизировать ситуацию нет нужды. Разумеется, поскольку пророчество имеет отношение к нашей академии, его изучением после переноса на свиток займутся не только студенты-блюстители, но и мои коллеги. Мы же с вами сейчас поблагодарим студентку Цирецию за увлекательную демонстрацию и понаблюдаем за процессом составления свитка пророчества. Лестор, будьте любезны, ваша очередь!

Пророчица с прежней отсутствующей улыбкой уплыла со сцены, и на стул приземлился самый обычный на вид добродушный толстяк в форме с желтым кантом, свидетельствующим о его принадлежности к летописцам, и значком четверокурсника.

Из сумочки на боку пузанчик извлек плод Игиды, сейчас походивший на шар, отлитый из мутного грязно-желтого стекла. Тяжело плюхнувшийся на скрипнувший стул толстяк поставил шар прямо на золотистый шарик с пророчеством. Трюк в жанре эквилибра удался. Ни один из предметов не упал, не покатился со стола. Каким-то странным образом маленький шарик оказался внутри большого. Из сумочки летописец неторопливо, почти с ленцой, извлек совершенно обычного вида тетрадь на кольцах в ядовито-красной обложке и карандаш. Тетрадка была раскрыта на первой же пустой странице, пузанчик почесал кончик крупного носа карандашом и приложил свободную ладонь к шару. Замер в такой позе на несколько секунд. Вся железная расхлябанность ушла из тела летописца, он стал походить уже не на груды желе, в которую поскупились добавить желатина, а на сжатую до предела пружину. На лбу появилось несколько морщинок сосредоточения, глаза превратились в

щелочки, губы как-то странно перекрутились и словно бы связались забавным узлом. Карандаш запорхал по бумаге с бешеной скоростью. Это длилось не дольше минуты, Шаортан только успела прокомментировать:

— Студент записывает пророчество, звучащее сейчас для него из-за контакта с плодом и цветком Игиды! Это помогает дополнять пророчества координатами.

Начертав несколько строчек, Лестор отбросил карандаш, словно раскаленный уголек, рванул лист бумаги из тетради и, скатав его в трубочку каким-то хитрым образом, сунул внутрь шара. Если шарик пророчества он подсовывал снизу, то бумагу запихивал сверху. И на сей раз Янка была совершенно уверена, что никаких дырочек в большом шаре не имелось. Не имелось, однако же лист, как и маленький желтый шарик цветка, оказался внутри. Тут же мутно-стеклянный плод стал прозрачным, как хрусталь. Соприкоснувшись с золотым шариком, лист сам засверкал золотом. Последовала вспышка яркого белого света, в которой, осыпавшись сверкающей пылью, исчезли большой плод и маленький шарик-цветок. Сам же белый лист из тетради остался и несколько мгновений светился четко различимым желтым светом, затем с совершенно типичным для бумаги звуком хлопнулся на стол, свернулся в трубочку и застыл. Свечение угасло.

— Спасибо за впечатляющую демонстрацию, Лестор, можешь быть свободен, — благосклонно похвалила студента Шаортан, тот неожиданно смутился от похвалы, едва заметно покраснел и, как показалось Янке (кажется, не только ей), громко пустил ветры. Тем самым парень смазал все благоговейное впечатление от собственной работы, сложившееся у первоодков.

Окончательно смешавшись от пролетевших по аудитории смешков, студент покраснел до корней волос, схватил в охапку свою тетрадь и почти выбежал из аудитории. Даже Яна невольно улыбнулась, хоть и жалела бедного Лестора — уж больно комичным было его бегство.

— Недостойно смеяться над особенностями расы других студентов, — гневно раздула ноздри ректор и собралась, вероятно, прочесть молодежи лекцию о правилах хорошего тона. Но, глянув налево, туда, где стоял пюпитр с чем-то, накрытым непрозрачной темно-синей тканью, оставила мысль о воспитательных мерах и провозгласила: — А теперь мы с вами станем свидетелями работы блюстителей по воплощению пророчества. Рованна, Налин, поднимитесь сюда.

Пока вызванные студенты со значками третьекурсников шли, жевавший губу Хаг внезапно тихо хлопнул себя по лбу и прошептал:

— Точно, он же феох!

— Кто? Ты о чем? — тут же заинтересованно завертел головой Лис.

— Толстяк! У его расы, коли понравилась какая девица, ее первым делом своим нутряным запахом обдают. Из специального кожного мешочка, запрятанного внутри тела, выпускается газ. Говорят, для феохчанок это как предложение познакомиться получше да поухаживать, — объяснил тролль.

— Ага, стало быть, парню наша ректор по сердцу? Губа не дура! — присвистнул и захихикал молодой дракон. — Да только у него, похоже, аромат выходит не приворотный, а рвотный, если судить по запаху, долетевшему даже сюда.

— Бедолага, — от всей широкой русской души посочувствовала талантливому, но невезучему в любви студенту землянка.

Тем временем к кафедре вышли уже знакомые Яне болтушка-сплетница Рованна и тот

самый парень, который кидался мячом и спрашивал у Хага про дван.

— Перед вами, студенты, команда блюстителей, которым предстоит проследить за исполнением одного из несложных пророчеств. И, если будет необходимость, скорректировать некоторые обстоятельства его воплощения, — объяснила Шаортан, покровительственно улыбаясь третьекурсникам. Затем ректор многозначительно кивнула на нечто, завернутое в ткань, и велела: — Приступайте!

Парень резким движением сдернул покрывало, и студенческая аудитория, заинтригованная обещанием ректора, застыла. На пюпитре лежал закрепленный свиток. Скрученный в трубочку лист бумаги был развернут. Оказалось, что внизу листа справа имеется толстая блямба печати. Не из обычного сургуча, который используют на почте, — овальная блямба переливалась желтым светом, и еще по ней ползли какие-то закорючки. У Янки сразу возникли ассоциации с бомбой и таймером.

Несколько секунд третьекурсники изучали написанное в свитке, а потом начали действовать. Они синхронно полезли в мешочки на поясе, очень похожие формой на те, из которых вчера таскали пластинки-листочки Шаортан и декан Гад. Видно было, что парень сосредоточен только на деле и напарнице. Девушка же еще и играла на публику, кокетливо встряхивала волосами и изящно оттопыривала пальчик рабочей руки, когда извлекала из мешочка листик.

На листике, приглядевшись, Янка увидела уже знакомый символ АДИ в виде мотка веревки. Вчера сломавшего такой листик Гада обсыпало серой пылью, а потом на декане поменялась одежда, что превратило странного мужика в мантии во вполне обычного человека в модном деловом костюме. Да и причудливый нос декана, и черно-фиолетовый ежик волос, как сейчас вспомнила Яна, перестали бросаться в глаза. Вот она, сила магической мимикрии!

Второй значок, извлеченный парнем, походил на облачко тумана. И вроде бы Донская тоже видела его вчера, когда путешествовала на Землю за документами. Кажется, именно этот шедевр детского творчества помогал перемещаться Шаортан и Гаду.

Студенты взяли свободными руками за свиток и сломали печать. Желтая дымка окутала лист бумаги и пару блюстителей. Как и в прошлый раз, Янка увидела только две осыпающиеся разноцветной пылью пластинки. Сначала серая, а потом янтарная дымка накрыла третьекурсников. Поднялась локализованная в пространстве вьюга, которая унесла студентов навстречу неизвестности.

Однако ректор тоже не дремала. Ее пластинка добавила в общую вьюгу несколько голубых крупинок и развернулась в большой экран, как в хорошем городском кинотеатре.

— На печати свитка, нанесенной летописцем при правильном запечатлении пророчества, всегда проявляется цифровой идентификатор — указание на мир и час исполнения пророчества. Блюстители воспользовались знаками Игиды, чтобы придать себе облик, естественный для мира, которому адресовано пророчество, и перенестись в точку его воплощения. Они возложили длани на печать, тем самым взяв на себя обязательства по его исполнению. Сейчас мы с вами наблюдаем за процессом исполнения через созданный мною визуальный портал. Подобный постоянный портал-артефакт, способный отражать миры пророчеств, имеется в корпусе летописцев. Дежурный летописец наблюдает за исполнением пророчества и фиксирует факт его свершения. Поскольку студент Лестор удалился столь поспешно, что не успел получить нового задания, оно будет возложено на первокурсников-летописцев и станет их первой курсовой работой. Ее куратором я назначу

третьекурсника Лестора, которого вам, веселые первокурсники, придется вежливо попросить о помощи.

Раздался групповой стон ужаса, а Янка одобрительно кивнула. Правильный человек, то есть дракесса, Шаортан. Так и надо воспитывать, чтоб из маленьких поросят большие свиньи не выросли!

— А какое пророчество-то? — не выдержав, выкрикнул кто-то с места.

— *«Судьбы своей принц след найдет. Коль не упустит, счастье обретет»*, — зачитала ректор, снизойдя до любопытства первокурсников. — Тишина в аудитории, смотрим. Все прочие вопросы зададите потом.

Увещеваний и иных, более драконовских мер наведения порядка не потребовалось. Студенты, затаив дыхание, смотрели «кино». Даже Янка, уж на что была привычна к телевизорам и кинотеатрам, и та вылупилась на потрясающий фильм, транслируемый прямо в аудитории из неведомо какого места.

Место, сразу надо сказать, даже в вечернем свете было красивым. Студенты узрели дворцовый парк. Не Версальский, где кусты и деревья подстрижены и расставлены по линейке и изображают все что угодно, кроме собственно кустов-деревьев. Но явно дворцовый, потому что сам дворец имелся в наличии где-то на заднем плане, в конце весьма живописной аллеи с неизвестными деревьями, клонящими кроны друг к другу так, чтобы аллея походила на живой зеленый тоннель, подсвеченный разноцветными огоньками-фонариками, прячущимися в листве.

Вот по этой романтической аллее на всех парах, подобрав пышные юбки бального платья, неслась премиленькая девчонка. Прядки светлых волос выбились из-под бриллиантовой диадемы, грудь бурно вздымалась, глазки испуганно таращились.

В какой-то момент девушка оступилась, с ножки слетела и, взмыв по дуге вверх, шлепнулась куда-то в придорожные живописные густые кусты изящная туфелька. Беглянка вынужденно притормозила, очевидно, решая, как выловить обувку. Но тут позади раздался громкий крик:

— Стойте, прекрасная незнакомка! Куда же вы!

Незнакомка решительно сдернула с ноги вторую туфельку и, зажав ее в руке, прямо в чулочках быстрее прежнего драпанула вперед по аллее. Над парком полился звучный бой часов.

«Полночь», — машинально сосчитала двенадцать ударов Янка и нахмурилась. Пусть она отродясь не бывала во дворцах и в парках при этих заведениях, но все происходящее казалось землянке подозрительно знакомым. Додумать мысль Янка не успела — отвлеклась на бормотание любопытствующего Лиса:

— Что она из дворца-то драпанула? Стибрила чего?

А потом уже строить предположения было некогда, стоило посмотреть на разворачивающееся действие. Парочка блюстителей, материализовавшихся в тени ближайшего дерева, ломая ветки и туша фонарики, полезла в кусты. Те самые, куда полетела туфля сбежавшей девицы. Треща кустарником и чертыхаясь из-за того, что руки царапали ветки, ребята достали обувку и метко перебросили ее точно на середину дорожки. Затаились.

Тут-то туфельку и нашел споткнувшийся о нее юноша в роскошных одеяниях и с весьма напоминающим корону ободком в волосах. Опустившись на одно колено перед туфлей, парень поднял ее к глазам и патетически воскликнул:

— Пусть ты скрылась, покорительница моего сердца, но я отыщу тебя непременно!

Каждая из дев королевства примерит туфельку, и та, кому она придется впору, станет моей невестой!

Лис сделал вид, что его тошнит от всего сказанного, и пробормотал себе под нос:

— Ну и сироп!

— Дурень, это романтика, — шепотом объяснил тролль.

— Пойду к придворному магу. Пусть сплетет заклятье, чтобы лишь та, что носила туфельку, смогла ее надеть, — помолчав, закончил красавчик-юноша и, прижав туфлю к сердцу, поспешил в сторону сияющего огнями дворца.

А Хаг уважительно добавил:

— Практичная романтика!

Парочка в кустах, выполнившая свою задачу, завозилась, ломая листик для возвращения в родные пенаты. И вот уже немного потрепанные и очень гордые (как они первакам класс показали!) блюстители предстали перед ректором Шаортан. А Янка обратила внимание на печать свитка. Та больше не сияла, не переливалась, а выглядела как застывший сургуч неопределенно-серого цвета.

— Благодарю, прекрасная демонстрация! Пророчество исполнено! — милостиво кивнула студентам дракесса.

Довольно ухмыляющиеся блюстители покинули аудиторию. Ректор приосанилась, намереваясь дать пояснения, но тут в дверь постучали и, не дожидаясь ответа, торопливо позвали:

— Ректор Шаортан, можно вас на секундочку! Возникли проблемы с расписанием!

— Иду, — рыкнула дракесса, гневаясь явно не на отвлекающего ее коллегу, а на сам факт вынужденного прерывания важной лекции.

Не успела ректор выйти, как первые ряды в лектории покинула парочка студентов. Один кучерявый темноволосый живчик, чертами лица больше всего похожий на представителя африканского континента, по недоразумению окрашенного в бледно-голубой цвет, с ходу устремился к оставленному на столе учебному пособию — то есть свитку со свежей записью пророчества, сделанного на лекции. Выражение его физиономия при этом имела самое проказливое.

Второй студент не хилой комплекции, тоже носящий форму с зеленым кантом, с несвойственной крупным людям грацией прыгнул следом за голубокожим, громогласно требуя:

— Картен, не трогай свиток! Ректор сейчас вернется, всем ведь влетит!

— Да ладно тебе, Максимус, я только гляну! Чего случиться-то может? Эти третьекурсники свободно трогали, — отмахнулся проказник, схватил свиток со стола и развернул бумагу, внизу которой оказалась такая же желтая блямба с рядом значков, как и на пророчестве для принца.

И разумеется, как оно обычно случается с бойкими хулиганами, Картен умудрился случайно чиркнуть ногтем по блямбе. Та хрустнула и рассыпалась уже знакомыми светящимися искорками, обдав ими кучерявого любителя попроказничать и его дружка. Вслед за этим вспыхнул желтым светом и сам свиток. Хулиган тут же отбросил свиток на стол и отскочил подальше. Бумага светилась еще некоторое время, достаточное, чтобы ректор вернулась из коридора и замерла на пороге статуей воплощенного негодования, настолько горячего, что из ноздрей дракессы сыпались искры, а глаза с вертикальными зрачками сияли изумрудным огнем.

— Кто сорвал печать со свитка? Ты? — свистящим шепотом, почему-то прозвучавшим громче крика и разнесшимся эхом по всему лекторию, осведомилась Шаортан.

— Я ничего не знаю, только рядом встал, хотел поближе посмотреть, а он как вспыхнет! Вон, Максимус тоже видел! — нахально соврал Картен, пятясь подальше от стола и грозного ректора.

Дракесса недоверчиво сузила глаза и почему-то потребовала ответа у Лиса, наверное, потому, что его единственного пока знала по имени:

— Машьелис о Либеларо, ты видел, кто развернул свиток и сорвал печать исполнения до срока?

— Простите, мастер ректор, я лекцию перечитывал, — подрагивая всей щуплой тушкой, отпинался от вопроса Лис.

— Дети, — Шаортан издала усталый вздох, — вы не понимаете, что творите! Пророчество при исполнении нуждается в корректировке и присмотре, об этом свидетельствовал желтый свет, изливавшийся от свитка. Но кто-то сорвал печать, завязав на себя право присмотра за фигурами пророчества. Вторично активировать и установить личности, на которых завязано пророчество, невозможно. Печать указания места и срока распалась. Ей не дали затвердеть. Теперь мне как можно скорее нужно установить того, кто назначил себя блюстителем пророчества до срока его исполнения. От этого зависит, успеем ли мы что-то предпринять или придется положиться на судьбу и удачу.

Глаза голубокожего предательски забегали, но на откровенность он не решился. Все продолжал бормотать себе под нос, что только свиток посмотреть вышел, а тут все само по себе — и вообще, он не при делах, так, погулять хотел. А тут всякие свитки ни с того ни с сего огнем пыхают, студентов до полусмерти пугают, зайками оставляют...

Его товарищ Максимус — очевидец виновности Картена — молчал. Верность дружбе явственно боролась в душе парня с желанием помочь ректору и предотвратить что-то ужасное. Аудитория бурлила, многие видели, как курчавый студент схватил свиток, но выдать его и ябедничать никто пока не желал или, может быть, собирался с духом. Впрочем, студенты могли бояться мести виновников.

— Так значит? — прошипела рассерженная Шаортан и полезла в сумочку на поясе. Она быстро, на ощупь, вытащила очередной превратившийся в минерал листок с древа Игиды и сломала его недрогнувшими пальцами. Тотчас же ярко-красный ореол окружил виновника взлома свитка и бледно-желтым обозначился контур Максимуса, по мнению Янки, виновного лишь в том, что не успел остановить ретивого дружка.

— Ты и ты! — ткнула пальцами в студентов дракесса. — Живо ко мне! У нас еще много дел!

— Наказывать будете? — с невероятным облегчением из-за того, что все само выяснилось и не пришлось выдавать друга, спросил Максимус, охотно подходя к ректору.

— Потом, — нетерпеливо отмахнулась женщина. — Вы у меня все лестницы в Башне Судьбы языком вымоете, а сейчас за дело! — Тут Шаортан обратилась ко всем студентам с короткой лекцией: — В редчайших случаях по недоразумению или злему умыслу печать, содержащая сведения о мире, месте и времени предсказанных событий, срывают со свитка пророчества до срока. Почему в редчайших? Потому что никто, кроме блюстителя, пусть даже необученного, печать потревожить не способен.

— И что делать? — совсем растерялся и даже, пожалуй, испугался Картен. Во всяком случае, на щеках его выступил лихорадочный синий румянец.

— Все, что можно сделать сейчас, — это постараться определить фигурантов пророчества, — ответила Шаортан. — Хорошо еще, что летописцы помнят все печати, поставленные на своих свитках, и данные о поврежденной записи пророчества Лестор обязан сегодня же занести в архив.

— А мы вам зачем? — обреченно вздохнул Максимус, косвенный виновник катаклизма, седалищным нервом предчувствуя очередные экзекуции.

— Разумеется, искать фигурантов пророчества, студент. Никому, кроме сломавшего печать, это сделать не по силам. Идемте же! Время не терпит! На все осталось не больше часа! А вы, студенты, можете поблагодарить своих приятелей за первый в семестре реферат на тему «Особенности маркировки фигур пророчеств». Объем не менее двадцати пяти листов, сдать своему декану к концу шестидневки! Список литературы перепишите — и все свободны!

Шаортан прищелкнула пальцами, и в воздухе соткалась черная как ночь доска с огненными письменами — список из более чем тридцати книг — источников будущего реферата. Лекторий схватился за письменные принадлежности, зашуршал бумагой и недовольно загудел. Взгляды, скрестившиеся на Картене, не обещали хулигану легкой жизни. Похоже, несколько особо возмущенных студентов собирались именно его курчавой головой помыть те лестницы, убирать которые назначит олуха ректор.

Дракесса тем временем спрятала свиток с «пророчеством преткновения» в сумочку и, подхватив за шкурки виновников повреждения печати, практически понесла их к двери. Остолопы обвисли трупиками и не вырывались. Но уже у самого выхода ректор притормозила и, развернув жертвы лицом к аудитории, грозно рыкнула:

— А ну-ка приглядитесь хорошенько, есть тут кто-то в светящемся желтом ореоле?

— Есть, — после паузы, отпущенной на сканирование помещения, послушным хором выдохнули Картен и Максимус.

— Показывайте! Живо! — скомандовала дракесса, и пальцы двух студентов синхронно ткнулись в Хага, Лиса и Янку.

— Вон те трое, — виновато шмыгнул носом здоровяк.

Янка просто онемела от негодования. Они-то тут при чем? А еще промолчала, когда о виновниках спрашивали. Может, стоило этих подлюк заложить? Как они только посмели обвинить невесть в чем ее новых приятелей?! В груди разгоралось пламя праведного возмущения, вылившееся в громкий возглас:

— Ректор Шаортан, мы не трогали свиток! Мы вообще сидели на месте!

— Верю, — иронично хмыкнула дракесса и уточнила у парочки ябедников: — Все? Больше никто не сияет?

Те дружно помотали головами и были вынесены за дверь с мотивационным лозунгом: «Идем дальше! Нам за полчаса надо успеть обойти всю академию!» Створки двери дружно хлопнули, а Янка, Лис и Хаг столь же дружно переглянулись с совершенно одинаковым недоумением на лицах.

— О каких она ореолах вещала? — прогудел озадаченный Хаг, и в случайно наступившей тишине его голос прозвучал особенно громко.

Шум в аудитории начал набирать новую силу. Тихо переписывать с доски, даже если доска сотворена из живой черноты, а письмена на ней пламенные, ни один студент органически не способен. Такова уж природа юности! Вдобавок народ весьма заинтриговал загадочный желтый ореол на трех ни к чему не причастных первокурсниках, который

почему-то видели два проштрафившихся студента. Открывался простор для догадок и сплетен.

Ответ на вопрос, вырвавшийся из недр троллей души, пришел, откуда не ждали. Тихий мечтательный голос Циреции, о которой позабыли все, в том числе сама ректор Шаортан, раздался с передних рядов. Что удивительно, в паузу между разговорами да спорами голосок не попал, однако девушку слышали все. А едва она начала говорить, рты захлопнули поплотнее, чтобы расслышать получше. Настоящая прорицательница, пусть еще и студентка — вещала!

— Я реферат на первом курсе писала по пророчествам. — Чуточку сонный голос, растягивающий гласные, стал для студентов подобен откровению небес. — Вы не волнуйтесь, академии каждый год предсказывают великие потрясения. Мир Игиды и сама АПП — такое место, слишком значительное. Но пока обходилось. Со свитками все просто. В назначенный срок блюстители пророчества с помощью печати на свитке перемещаются в ключевую точку пророчества. Могут, коли нужда есть, корректировать, то есть оказывать влияние на его ход. Правильность действий сверяется по цвету свитка и фигур пророчества. Интенсивность и цвет свечения определяют степень необходимого вмешательства. Коли желтым горит — пророчество может и само исполниться, но лучше немного подтолкнуть фигуры или объекты, а зеленый свет означает, что вмешательства вовсе не требуется. Блюстители выступают лишь в качестве свидетелей. Красный же ореол ясно показывает — потребуется помощь в исполнении предначертанного.

Лишь для глаз того, кто снимал печать в срок исполнения, свиток светится, существа, причастные к пророчеству, и предметы важные — тоже сияют. Именно так блюстители сегодня нашли туфлю. Коль свиток распечатан до срока — плохо. В нужный час нельзя проверить — верные ли действия совершаются — свечения не будет. Остается только одно — постараться отыскать всех, на кого распространяется пророчество, пока есть ореол. Силы свитка хватает, чтобы для повредившего печать причастные некоторое время светились. Их надо отыскать и отгадать, какое отношение к пророчеству имеют эти фигуры.

— Так значит, сейчас ректор таскает этих ушлепков по всей академии, чтобы они всех светящихся разглядеть успели? — уточнил желтоглазый Авзугар и почесал свой колоритный нос, напоминая Янке о гостях с юга.

— Точно, — снова рассеянно улыбнулась Циреция, встала и, перебирая в ладошке камешки, поплыла к выходу из аудитории.

— Выходит, мы чем-то академии навредить можем? — растерянно вякнула Янка.

— Или спасти, или еще что-то... Факторов причастности много, я все не помню, давно реферат писала, да вы не волнуйтесь так сильно. Фигур пророчеств в АПП обычно бывает несколько десятков, — обронила провидица и выплыла из лектория, безмятежно игнорируя обрушившуюся на нее волну вопросов.

Янка сердито запыхтела и с утроенным усердием стала переписывать список литературы для реферата. Не то чтобы девушка была законченной лентяйкой. Училась она вполне прилежно, но перенапрягаться более необходимого никогда не стремилась, если только это не было нужно лично ей. Доклад готовила, только если за него обещали поблажки на зачете или экзамене, на семинарах отвечала за баллы или галочки, дающие льготы при сдаче.

Вот и сейчас злополучный желтый ореол, который разглядели на ней и паре приятелей вредители ценных свитков, изрядно стимулировал интерес Донской к учебному процессу в

целом и конкретному реферату в частности. Разобраться, что такое эти свитки и с чем их едят, для Яны стало делом принципа. Ручка поскрипывала по бумаге. Рядом сопели, скрипели зубами и письменными принадлежностями товарищи по несчастью, обуреваемые аналогичными мыслями.

Глава 7

Первая лекция и знакомство

Переливчатый звон колокола возвестил студентам об окончании лекции примерно тогда, когда они закончили переписывать список книг и мрачно оценивали его величину. Почему-то список на доске и список в свежей лекционной тетради воспринимались совершенно по-разному. Вникать в столь обширную тему хотелось поменьше.

— Что у нас там дальше? — перегнувшись через локоть Янки, глянул в ее расписание Хаг.

— Расоведение, — сверившись с тыльной стороной тетрадной обложки, на которую вчера перекатала расписание со стенда, ответила девушка. — Потом большая перемена на обед, медитация и основные знаки Игиды.

— И то ладно, хорошо еще спортивную подготовку сразу после обеда не поставили. С полным брюхом мышцы напрягать негоже, — одобрительно покивал тролль, кидая свои вещи в стандартную, выданную вчера осьминогом-комендантом сумку.

— А медитировать с полным брюхом тебе в удовольствие? — ехидно хмыкнул Лис. — После еды в сон клонить будет и к земле тянуть, а не в высокие сферы.

— Дык медитируй с закрытыми глазами, и фиг кто узнает, в каких ты сферах, — хохотнул практичный Хаг.

Так же втроем, как пришли на лекцию и вообще попали в это «цирковое училище», студенты смешались с толпой и потопали на выход из лектория.

— Эм-м-м, Кудряшка, мм-ме, ты мм-мене на ногу наступил! — окликнул Лиса сзади голос того самого неуклюжего типа, заработавшего на экскурсии взыскание за порчу газона.

Янка обернулась, поглядела в наглые, с треугольными зрачками, зенки копытного и с ходу сообразила: Машьелис ничьи ноги не отдавливал, это мемекалка пытается после фиаско на экскурсии утвердить свой авторитет за счет более слабого с виду студента. А юного дракончика он, скорее всего, выбрал потому, что тот успел прославиться из-за происшествия со свитком и имел куда более худосочную комплекцию, чем тролль. Не сказать чтобы Янка была метеором по скорости мышления, но таких типов в родном поселке навидалась достаточно и умела с ходу определять скверную породу трусливого задиры. Такого сразу не уймешь, как репей прицепится и всю жизнь отравит.

Простая русская девушка тяжело вздохнула, развернулась и, прежде чем обычно не лезущий за словом в карман Лис успел выдать достойный ответ, размахнулась и залепила козлу в нос. Тот завизжал, отлетел на пару метров и шлепнулся на попу. Потирая кулак, Яна хмуро спросила:

[Купить полную версию книги](#)